

Останься

Автор:

Эль Кеннеди

Останься

Эль Кеннеди

Сарина Боуэн

Запретное желание

Кажется, анонимным сервисным приложением, которое Хейли запустила вместе со своим бывшим, пользуется звезда хоккея Мэтт Эриксон! И ладно бы просто пользовался, он еще и пишет ей сообщения, флиртует, а ей это, разумеется... нравится! Корпоративная этика не позволяет крутить романы со своими клиентами, но какой же это роман, если Хейли с ним никогда не виделась?

Не виделась до этих пор! И, о да, анонимный пользователь – Мэтт Эриксон собственной персоной! Совет дня: БЕЗ ПАНИКИ!

Совет на будущее: ничто не сблизит лучше отличного хоккейного матча! Хейли не в силах сопротивляться влечению. Мэтт не в силах сопротивляться Хейли. Но, к счастью, сопротивление бесполезно, когда атакуют не вражеские ворота, а твое собственное сердце.

Сарина Боуэн, Эль Кеннеди

Останься

Copyright © 2017 by Sarina Bowen and Elle Kennedy

© Екатерина Баранова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Отзывы о Сарине Боуэн и Эль Кеннеди

Есть нечто волшебное в том, как творят эти авторы в дуэте! Пусть Сарина Боуэн и Эль Кеннеди всегда пишут книги вместе!

Кимберли Фэй читает

Беззаботный, веселый и абсолютно крышесносный роман!

Что может быть лучше, чем книги

Мое трепещущее сердце, успокойся... Не каждый день двое любимых авторов решают написать книгу вместе. Эта будоражащая, веселая, завораживающая история дала мне все, чего я ожидала, и даже больше.

Наташа, зависимая от книг

Просто купите эту книгу, погрузитесь в чтение и скажите «прощай» остатку дня!

Рейчел, Sub Club Book

Настолько горячая книга, что ею можно расплавить лед на катке.

Книжные отзывы от «Romantic Times»

Все, что пишут Сарина и Эль, – чистое золото! Простите меня, но этим летом я не буду на связи, я буду читать эту книгу!

Нурале

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Наташе, Николь, Кейанне и виртуальным ассистентам со всех уголков мира!

Ребята, Земля кружится благодаря вам.

Все схвачено

Хейли

Корпорация «По пути» сегодня утопает в работе, и только около двух пополудни мне удастся вырваться из кабинета за чашечкой эспрессо. И вот я уже возвращаюсь обратно с кофе в руке и вижу, как техник Тэд пытается ко мне достучаться.

– Я здесь! – кричу я.

Высокая фигура оборачивается. Этот парень, похоже, никогда не снимает свою бейсболку с логотипом хоккейной команды «Торонто». Что я, как их главная фанатка, полностью поддерживаю.

– Вот ты где. – Он слегка вздрагивает от неожиданности и опускает взгляд на стакан в моей руке. – Я скоро уйду и как раз собирался узнать, не хочешь ли ты

сделать перерыв на кофе.

– Ой, прости! – Мои извилины напрягаются, но я не могу припомнить, чтобы мы договаривались о встрече. – Я уже. Ты хотел что-то рассказать о наших серверах?

Он моргает.

– Сервера в порядке.

– Фух. – Я открываю дверь в кабинет и вхожу внутрь, минуя Тэда. – Значит, тогда, эм... Встретимся на следующей неделе? – Тэд – подрядчик, поэтому мы видимся с ним только по необходимости. Но он славный парень.

– Конечно! Удачи.

Я даже не успеваю дойти до рабочего стола, как меня снова окликают с порога. На этот раз – Дженни Дэйвз, моя подруга и сотрудница.

– Хейли! – зовет она. – У тебя два запроса на очереди.

Вот и все. И десяти минут не прошло, как мой перерыв закончился.

– Раз ты здесь, полагаю, там есть что-то интересное?

– Посмотри на экран! – говорит она с нескрываемым восторгом.

Я шевелю компьютерной мышкой, чтобы разбудить монитор. У меня в очереди два запроса, и они оба интересные. Признаться, один из них и вовсе отзывается во мне необычным трепетом.

Вот она, моя сказочная жизнь: потенциальная жалоба становится главным событием дня.

Как совладелица «По пути», пионера в сфере виртуальных помощников в Торонто, я рассматриваю только самые важные запросы клиентов. И они

бывают двух типов: от клиентов, проблематичных по своей натуре, до клиентов, готовых тратить большие суммы на наши услуги. И сейчас передо мной по сообщению от каждого.

- Итак? - подгоняет меня Дженни. Даже ее улыбка полна нетерпения.

Я делаю маленький глоток кофе.

- Еще ни одного не открывала. Иди посмотри, если любопытно.

Она предусмотрительно закрывает дверь в мой кабинет. Мне бы не хотелось, чтобы мой совладелец Джексон случайно нас подслушал. Работать с бывшим мужем и так достаточно непросто - и тем более не стоит ждать ничего хорошего, если Джексон заподозрит меня в предвзятом отношении к кому-либо из наших клиентов.

Дженни практически перепрыгивает через стол, чтобы заглянуть в экран.

- Что ты откроешь первым? Мистера Члена или то, которое от твоего будущего мужа?

- Просто утомительно. - Я делаю еще один глоток и на секунду замираю. Ведь мои фантазии, касающиеся этого конкретного клиента, выходят за рамки допустимого. И, что еще хуже, скрывать их я не умею.

- Сначала открою Мистера Члена. Его запрос пришел на две минуты раньше. Такова политика нашей компании.

Дженни вздыхает.

- Прекрати брыкаться и дай уже кому-нибудь себя оседлать. Кстати, интересно, твой любимый клиент ведь наверняка тот еще скакун?

Ох, а каких только фривольных вопросов о нем я себе не задаю.

Соберись, Хейли! Да не покусишься ты на клиентов.

В доказательство своей беспристрастности я сначала открываю другой запрос – тот, что пришел от клиента с сомнительным никнеймом Мистер Восьмидюймовый.[1 - 8 дюймов = 20,32 см.]

И его никнейм не единственная причина, по которой мы зовем его Мистер Член. Этот парень заслужил свое прозвище тем, что в каждое сообщение он вставляет фотографии своей промежности. Месяц назад наши сотрудники начали отмечать его запросы как небезопасные, поэтому теперь они поступают напрямую ко мне либо к Джексону. Либо к Дженни, если мы оба недоступны. Мы не хотим доставлять неудобств своим сотрудникам.

Мы с Дженни считаем Мистера Члена почти наверняка безобидным и абсолютно точно забавным. И мы нередко собираемся вместе, чтобы похихикать над его эксцентричными способами привлечь наше внимание. Тема сегодняшнего запроса: аккумулятор на тюнер для гитары.

Звучит вполне тривиально. Но уж мы-то понимаем, что все не так просто.

Когда прикрепленная фотография открывается на весь экран, Дженни громко хрюкает мне в ухо.

– Вау. А эта может попасть в топ-10 лучших. У него здесь все схвачено, да?

Уж точно, фотография, заслуживающая награды. У тюнера для гитары закругленная... головка. По-другому это и не назовешь. Рука Мистера Члена лежит на коленях, ладонью вверх, и его пальцы с намеком обхватывают тюнер.

И вдобавок к этому очертания его, эм, детородного органа проглядывают через тонкий слой нейлоновых шорт. Как и всегда, он нам, кажется, рад.

– Сегодня головку видно особенно четко, – заметила Дженни. – Наш парень – прекрасный фотограф. Он знает, как выбрать подходящую ткань.

– Да, он крупный специалист, с этим не поспоришь, – соглашаюсь я. – Можешь прочитать номер аккумулятора?

– Точно, аккумулятор, – вздыхает Дженни. – Хорошо, приблизь.

Я приближаю так, чтобы в центре оказалось его второе бедро, на котором и лежит аккумулятор с сияющим номером CR2032.

Пара нажатий на клавиатуру, и я узнаю, что CR2032 – это обычная модель литий-ионного аккумулятора для часов, калькуляторов и прочей мелкой электроники.

– Записала, – говорит Дженни, сохраняя заметку в телефоне. – Перенаправь запрос мне, я забегу на Блур-стрит, думаю, найду ее в магазине фототехники или в том большом ювелирном.

Еще один клик, и все готово. Вероятно, быстрее чем через час аккумулятор уже будет ждать Мистера Члена у его входной двери. Он заплатит за покупку плюс двадцать пять процентов доплаты и тридцать пять долларов сверху за каждый час нашего времени. А ведь все это он мог бы сделать сам.

Ох уж эти богачи. Они всегда готовы платить за хороший сервис.

– А теперь не тормози и открывай сообщение от будущего мистера Хейли. Я уже сгораю от нетерпения, – жалуется Дженни.

– Остынь. Я, правда, надеюсь, что это не очередная проблема с выгульщиком, – говорю я и возвращаюсь в личный кабинет, чтобы открыть запрос от Снайпера87. – Последний был просто катастрофой. Мне все еще стыдно за это.

Как я и ожидала, тема его запроса была следующей: «Второе нападение! Бог любит троицу?»

– О-оу. – Дженни даже закусила губу. – Что на этот раз? – Она немного наклоняется ко мне, чтобы прочитать сообщение.

«Привет, ХТЭ! Спасибо, что отправила моей маме подарок ко дню рождения. Ты говорила, что ручаешься за свои любимые конфеты, и я, конечно, доверился. Но мама с тех пор без умолку рассказывает о «чистосортных какао-трюфелях» или что они там из себя представляли. Теперь звание Любимого Ребенка обеспечено мне еще на год».

– О-о-о! – вздыхает Дженни. – Ты порадовала его маму. Значит, наладить отношения с будущей свекровью будет несложно.

Я слышу эту шутку не в первый раз, поэтому не достаиваю ее ответом. К тому же у меня есть плохое предчувствие касательно второй части сообщения.

«И еще, я жутко не хочу быть занозой в заднице, но, к сожалению, новый выгульщик был даже хуже того, что позволил Руфусу разорвать мой кожаный чемодан. Камера наблюдения, которую ты для меня выбрала, засняла, как этот экземпляр рыскал по моей квартире. На видео можешь посмотреть, как он развлекается».

– Ничего себе! – взвизгнула Дженни. – Мы увидим его квартиру?

– Джен! – вскрикнула я в ответ. – Мы отправили stalkера в его квартиру, а тебя волнует, как выглядит его холостяцкое жилье?

Справедливости ради, в любой другой день я бы пошла на все, лишь бы увидеть, где он живет. Я и так постоянно представляю себе это место. Прошлым летом Снайпер развелся с женой и начал пользоваться «По пути», чтобы быстро обустроить квартиру. На два месяца я погрузилась в работу и трепетно выбирала каждый предмет мебели.

И вот что разожгло мое любопытство: пока я бороздила Торонто в поисках «здоровенного дивана с той штукой под ноги» (его слова) и «такого большого телевизора, чтобы во время спортивных матчей я без труда мог разглядеть волоски в ноздрях спортивных комментаторов», разные блоги со сплетнями начали перемывать косточки ветерану хоккейной команды «Торонто» Мэтту Эриксону, чей брак недавно распался.

Тогда-то я и присмотрелась к никнейму Снайпера87. Снайпером в хоккее называют центрального нападающего с выдающимися способностями. А мой любимый игрок родился в 1987 году.

И все же. Может быть, это и совпадение.

В «По пути» есть кое-что, что отличает нас от конкурентов: мы предлагаем клиентам оставаться анонимными. В первую очередь эта функция, конечно, рассчитана на знаменитостей. У Снайпера87 стоит галочка в пункте о приватности. Отсюда и загадка. И с каждым днем мое любопытство только растет.

Моя рука дрожит, когда я кликаю на ссылку. На экране появляется немое видео низкого разрешения. На заднем плане видно, как кто-то фланирует по просторной квартире.

Я вижу секционный диван, который сама выбрала, и декоративные подушки. И все это в центре красивой, большой комнаты.

– О, боже мой, у него есть терраса! – У Дженни перехватывает дыхание. – И ты только посмотри на эту кухню! Вау! Он мог бы уложить тебя прямо на этот кухонный стол и...

– Дженни! Соберись. – Парень с экрана напоминает полицейского на обыске – он медленно обходит комнату и не пропускает ничего на своем пути, трогает и рассматривает каждую вещь Снайпера. И пока этот мудак елозит пальцами по книге, по фоторамке, по стопке писем на столе, черная собака растерянно следует за ним с поводком в зубах.

– Ой! – мой голос полон возмущения. – Бедный песик еле терпит, а эта подтирка для задницы читает письма нашего клиента. – От этого у меня все сжимается внутри. – И это только моя вина.

Но здесь становится еще хуже. Я роняю голову на руки, когда эта сволочь достает телефон и начинает фотографировать квартиру Снайпера.

– Это не твоя вина. – Дженни похлопывает меня по спине. Она всегда на моей стороне. – Ты нашла ему компанию по выгулу собак. Да, эта оказалась не хорошей компанией по выгулу. Но такое случается. А сейчас... – Она забирает у меня мышку и перелистывает видео на предыдущий кадр. – Давай пересмотрим этот фрагмент. Мне кажется, я вижу у него на стене подписанную джерси.

Я поднимаю голову.

- Правда? - В эту секунду мое сердце пропускает пару ударов.

- Правда. - Она указывает на нее пальцем. - Вот здесь. Рамка бликует, и ее непросто рассмотреть. Но вот он, рукав. Это... джерси «Рейнджеров»?

Если уж кто-то и мог усмотреть эту деталь - даже на черно-белой съемке, - то это Дженни. У нее глаз как у орла.

- Ничего себе! Да! Но это еще не доказывает нашу теорию. Он также может оказаться обычным фанатом. К тому же зачем хоккеисту джерси с автографом на стене?

- Игроки тоже фанаты. Наверное, это джерси Гретцки. Твой Эриксон был еще маленьким, когда Гретцки взошел на пик своей славы.

- У тебя на все найдется ответ, - бормочу я.

Дженни хмыкает.

- Тебе ничего не стоит заткнуть мне рот, знаешь ли. Открой его чертов профиль и посмотри, наконец. Ты же изводишь нас обеих.

- Все клиенты, которые просят о приватности, имеют право ее получить.

Она закатывает глаза.

- Готова поспорить, ты жалеешь о том, что вообще придумала это, когда открывала дело.

- Эта мысль у меня проскакивала.

- Слушай. Очень благородно скрывать личную информацию пользователей от трех дюжин сотрудников. Но ты же владелица компании, и он уже доверил тебе свое имя, свой адрес, номер своей «Черной карты» и размер своего белья. Пользовательское соглашение гласит, что у вас с Джексоном есть право просматривать эти данные. Так что прекрати страдать и воспользуйся своей возможностью. [2 - «Черная карта», или карта «Центурион» - самая дорогая

кредитная карта компании «Американ Экспресс», которая предоставляет клиентам ряд уникальных привилегий.]

– Может быть, как-нибудь. – Пора сменить тему. – Прямо сейчас мне нужно разобраться с проблемой.

Дженни при этом очень натурально рычит.

– Клянусь, иногда я думаю, что тебя похитили инопланетяне. Хейли, которую я знаю, не крольчун-шморчун.

– Что-что?

– Трусиха. – Я отдернула голову, но она не замолчала. – Хейли, которую я встретила несколько лет назад, была бесстрашной предпринимательницей и всегда добивалась, чего хотела. Что случилось, милая?

Мой развод, вот что.

Но на этом она не закончила.

– Ты могла бы лично повстречаться с мужчиной своей мечты, понимаешь? Просто позвони ему и поблагодари за такое прекрасное сотрудничество. Представься и расскажи, как сильно ты ценишь его большой, – здесь она подмигивает мне, – талант.

– Я не стану этого делать, – фырчу я в ответ.

– Почему нет? Тебе нужно вернуться в строй. Тебе нужно встречаться с парнями. Вот техник Тэд, например, хочет встречаться с тобой. Но можешь ли ты выделить на него минутку своего времени? Нет.

– Да не хочет он со мной встречаться.

Это просто нелепо.

Дженни закатывает глаза.

- Я только что видела, как он пригласил тебя выпить кофе. И ты его отшила.

- Он ничего такого не имел в виду.

Она кладет мне руку на плечо.

- Имел, Хейли.

- Да не может быть! - настаиваю я.

- Каждый раз, когда он рассчитывает встретить тебя, он надевает ту кепку с эмблемой «Торонто», хотя я знаю наверняка, что он их не любит! Я слышала, как он признавался Диону в своей любви к «Брюинз».

- Да ладно...

- Теперь улавливаешь?

- Иногда до меня долго доходит.

Техник Тэд - фанат «Брюинз». Даже если бы он меня интересовал, у нас ничего не срослось бы, пока мы по разные стороны баррикад. Я буду предана своей команде до гроба.

- Только в таких вещах, - говорит она. - Но я не могу и дальше тебя отчитывать, потому что мне пора бы уже бежать за аккумулятором для одного ценителя своего пениса. До скорого.

- Увидимся.

Она уходит, и я возвращаюсь к сообщению. Стоит коснуться всего пары клавиш, и я узнаю, кто стоит за ником Снайпер87. И эта мысль меня очень соблазняет. Но правда потянет за собой две проблемы.

Во-первых, если Снайпер87 обернется не Мэттью Эриксоном, самым сильным и горячим нападающим самой одаренной команды, я буду сокрушена. Сейчас, если мне хочется романтики, я представляю, что каждый день помогаю своему объекту вздыханий.

И если это не он, я не хочу разочаровываться.

Во-вторых, если я все-таки открою его профиль, я поступлю как какой-нибудь жуткий сталкер, ничуть не лучше сегодняшнего бесцеремонного выгульщика. Пока я просто гадаю, кем может быть мой клиент. Это моя игра, так я себя развлекаю. Но если я захочу подсмотреть разгадку, то переступлю черту, которую нельзя переступать. Он пользуется «По пути», потому что мы обещаем анонимность. И верность этому обещанию – основополагающий принцип нашего дела.

И вообще, довольно размышлений. Есть проблема, которую нужно решить. Я открываю окошко чата в приложении.

ХТЭ:

«Снайпер, привет. Мне ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, что так получилось с выгульщиком! Я сейчас же напишу в компанию и сообщу, что их сотрудник повел себя неподобающе. И конечно же «По пути» больше никогда не воспользуется их услугами. Мне было жутко неприятно от того, что я увидела на видео, и я чувствую себя виноватой.

Мы нанимаем только компании с рейтингом от четырех звезд, бла-бла-бла, но это вовсе не оправдание».

Следом за моим сообщением на экране появляются точки, и это значит, что он пишет ответ. В ту же секунду во мне все трепещет.

Из-за того, что я так часто выполняю поручения этого клиента, мы достаточно часто переписываемся. И я наслаждаюсь этим больше, чем следовало бы.

Снайпер87:

«Эй, дыши глубже! Я знаю, что «По пути» бесподобен. Особенно ты! Поэтому я так часто пишу тебе. А неприятности со мной иногда случаются.

Я уже разнес «Уэг Уокез» своей жалобой. И это не твоя вина, Х! Тебе я полностью доверяю. Но как нам теперь быть? Меня нет в городе, а с Руфусом нужно погулять сегодня вечером и завтра утром тоже».

ХТЭ:

«Пока мы переписываемся, я уже ищу другую компанию».

Снайпер87:

«Есть ли шанс, что ты сможешь погулять с ним сама? Я знаю, что входить в дома клиентов против политики компании (узнал, когда хотел просить тебя собрать кровати для моих малышек), но у меня нет другого выхода. Да что там, тебе даже не нужно входить внутрь. Я дам тебе код, просто открой дверь и посвисти. По команде «гулять» Руфус сам принесет свой поводок».

Я озадачена. А потом озадачиваюсь еще немного.

Он прав о политике. Наши сотрудники выполняют три типа поручений: 1) занимаются резервированием и другим онлайн-планированием; 2) покупают и доставляют товары; и 3) нанимают услуги в компаниях по соседству с клиентом. Это и все, что покрывает страховка наших сотрудников. Поэтому мы всегда привлекаем другие компании для выполнения прочих услуг. Без исключений.

Да, я отправила подонка в дом этого мужчины. Если фотографии его квартиры попадут в интернет, я умру от стыда.

ХТЭ:

«Ладно. Что скажешь, если я отправлю надежного сотрудника выгулять Руфуса? Того, кто ладит с животными».

Снайпер87:

«Ты лучшая. Спасибо, Х».

Я таю от его слов. Но если Джексон узнает о моих планах, он взбесится.

Это будет секретная миссия. Даже Дженни не узнает.

Моя нежная душа

Мэтт

«Чикаго» были беспощадны. Мы проиграли со счетом 4:3. По пути к раздевалке я чувствую себя ходячим трупом: все мои мышцы окоченели.

Последние восемнадцать месяцев выжали из меня все. Я остался без жены, и мне уже стукнул тридцатник. Тридцать – не приговор, но только если ты не профессиональный хоккеист. Конечно, я буду оставаться в строю еще лет пять, но я уже понимаю, что с каждым годом будет сложнее.

И мне от этого тошно.

Добавьте сюда еще и то, что вокруг меня сплошь молодые, крепкие парни, которым артрит даже в страшных снах не снится. Вы только посмотрите на двадцатитрехлетнего Райана Уэсли, который прямо-таки скачет к своему шкафчику. Вы бы никогда не подумали, что он только что сошел со льда после

бешеной игры и двух забитых голов. В худшем случае вы бы решили, что он валялся в шезлонге.

Уиллу О'Коннору, нашему новому нападающему, уже около двадцати пяти, но выглядит он еще моложе. С широкой грудью, расстегнутыми хоккейными штанами и полотенцем на шее он совершает какое-то странное па через всю комнату и останавливается передо мной и Блейком Райли, который тоже сегодня забил гол. К сожалению, это нас не спасло.

- Йо-оу, Райли, - заводит О'Коннор, приглаживая свои волнистые волосы. У этого парня роскошная шевелюра и смазливое лицо. И его красота, видимо, шла в комплекте с надменностью.

- Йоу, О'Коннор, - вторит ему Блейк.

- Мы с Леммингом собираемся в бар на крыше - знатная дрянь, судя по всему. Ты с нами?

Блейк качает головой.

- Не-а. У меня свидание.

Брови О'Коннора взлетают на лоб. И мои тоже. Я слышал, что Блейк счастлив с Джесс Каннинг, свояченицей Уэсли. Моя голова дергается в сторону Блейка, и он работает на опережение.

- Спокуха, Мэтти-кейк, - говорит Блейк. - Это свидание по скайпу с Крошкой Джей. [З - Непереводаемая игра слов. В оригинале прозвище героя - Matty-sake, что отсылает нас к известному в Америке десерту mud cake (влажный шоколадный пирог).]

Я успокаиваюсь. Но не слишком сильно, потому что этот сукин сын знает, как я ненавижу его дурацкие прозвища.

- Передавай ей привет от меня, - прошу я.

– Обязательно. – Блейк улыбается во весь рот. – То есть если я не забуду. Вы знаете, наш онлайн-секс так изматывает, что я потом просто вырубаясь.

О’Коннор очень демонстративно закатывает глаза.

В нескольких шкафчиках от нас мучительно вздыхает Уэс.

– Братан, ты сейчас говоришь о моей родственнице, – кричит он. – Тебе нельзя использовать слова «онлайн-секс» и «Джесс» в одном предложении.

Блейк хмыкает.

– Да? Зато все чики-пики, когда ты на соседнем сиденье в самолете листаешь развратные фоточки Бомбы Джей?

– Там не было ничего развратного! – защищается Уэс. Его щеки вспыхивают, и он оглядывается на хихикающих товарищей. – Он просто отправил мне фото в новом костюме! Полностью одетый в этот самый костюм.

О’Коннор продолжает громогласно смеяться, но теперь разворачивается ко мне.

– Что насчет тебя, Эриксон? Бар на крыше?

– Я пас, – хмыкаю я. Во-первых, сейчас середина сраного ноября – кому захочется торчать на крыше? Во-вторых, я устал как собака.

– Ну ты и писька, – заявляет мне О’Коннор. А потом довольно продолжает: – Хотя, вообще-то, как раз писечки тебе и не достанутся.

Я ухмыляюсь.

– Малыш, писечки у меня были еще тогда, когда ты пешком под стол ходил. Я начал играть в восемнадцать, забыл? А мы все знаем, что зайки любят помоложе.

– Ага, потому что бедных лохов легче развести на кольцо, – бросает О’Коннор. – Старик, кому, как не тебе, знать.

Он не вполне прав. Моя бывшая жена даже не любила хоккей. Кара и сейчас переключает канал, если там транслируют игру. И все шесть лет нашего брака она как часы напоминала мне, что я всего лишь глупый спортсменишка и ее не заслуживаю.

В мире хоккея ей многое было чуждо, и она винила меня за все то женское внимание, которое мне доставалось. Будто это из-за меня поклонницы окружали нашу команду после каждого матча или я сам подговаривал фанатов подходить ко мне на улице.

И мне нравилось внимание, но я никогда не изменял жене. Я ни перед кем не снимал штаны с той секунды, как сказал «согласен», и до того мерзкого утра, когда подписал документы о разводе и опустил потухший взгляд на свежие чернила.

– Неважно. – О’Коннору незачем знать подробности моего развода. – Этот старик сейчас собирается вернуться в гостиницу и развалиться на кровати. Весело вам отморозить яйца на крыше.

– Не беспокойся. Я найду себе сладенькую зайку из Чикаго, и она их согреет.

– Наслаждайся, – ворчу я.

Сложно поверить, что я был таким же – неотесанным, самоуверенным и двинутым на сексе. Сейчас моя голова забита только тем, как бы провести побольше времени с дочками.

Из раздевалки я волочусь рядом с Блейком и Уэсом, которые оба пялятся в свои телефоны. Снаружи нас ждет автобус до гостиницы. Я падаю на сиденье рядом с Райли и ненадолго прикрываю глаза. Чувствую себя старым. Я только справил третий юбилей, но мне уже кажется, что я одной ногой в могиле. А, к черту. Распустил нюни. Я просто... устал.

Зеленый свет на кодовом замке впускает меня в комнату, и это самый счастливый момент за весь день. Я стягиваю с себя костюм в ту же секунду, как дверь захлопывается. Нужно поспать.

Но сначала проверю, как там Руфус.

Я открываю приложение системы безопасности на iPad и просматриваю видео с камер наблюдения. Это место все еще кажется мне слегка нежилым, даже после всех усилий Красотки из «По пути», которая помогала мне его обустроить.

Она проделала отличную работу. Мебель и посуда выглядят изящно, но не нарочито. Все, что требовалось от меня, – отправить ей план квартиры и клич о помощи. Я даже не представлял, что мне понадобится, но она сама все выбрала, в том числе вещи, которые мне бы даже в голову не пришли. Полотенца для рук, например, или мыльницы в каждую ванную.

Она даже купила рамки для рисунков моих девочек. Их уже повесили на стену, и все, что мне остается сделать, – это засунуть новый рисунок под стекло. И, раз уж я не вижу с дочерьми достаточно часто, мне приятно смотреть на их художества и думать о них.

Да. Моя квартира выглядит тоскливо, но это не ее вина.

Две недели назад мне пришлось открыть приложение «По пути» и попросить Красотку найти лежанку для собаки и посуду для нее же. Моя бывшая поняла, что больше не справляется с Руфусом. Она предложила мне два варианта: отправить его в приют или ко мне.

Приют. Кто так вообще поступает? Но на самом деле здесь нечему удивляться. Раз Кара меня выгнала на обочину, зачем ей церемониться с собакой?

Моя камера наблюдения фокусируется, и я тут же замечаю своего пушистого товарища. Он довольно дремлет на диване, уложив голову на лапы.

– Эй, парень, – говорю я, хотя он меня и не услышит. Потом я отматываю запись назад и всматриваюсь в крошечные кадры, которые появляются на экране. Руфус со своей игрушкой на ковре. Руфус спит. Руфус ужинает и...

Вот оно. Кто-то новый в моей квартире. Я быстро пролистываю еще дальше назад, чтобы увидеть, как прошла их встреча, и снова включаю видео на нормальной скорости. Дверь открывается, и в квартиру входит молодая женщина. Мне лишь на секунду открывается ее стройная фигура, а потом она опускается перед Руфусом на колени – он уже успел настороженно слезть с дивана. Теперь он бегло ее обнюхивает, и она любезно наклоняется, чтобы облегчить ему задачу, протягивает руки и что-то говорит – как жаль, что я ее не слышу.

Руфус начинает бешено махать хвостом, и я его отлично понимаю. Девчонка очень милая и слегка напоминает панкершу. У нее длинные волосы и вихреватая челка, огромные глаза и тонны серебра в ушах – интересно, сколько у нее там пирсинга? Я прищуриваюсь, но сосчитать все равно не могу – картинке не хватает четкости. Она спрашивает у Руфуса что-то, и в этом «что-то» точно есть слово «гулять», потому что он чуть ли не впадает в ступор от радости и нетерпения, а потом мчит за своим поводком, буксуя на деревянном полу.

Мгновение спустя они уже у двери. Слава богу, никакого копания в моих вещах.

Я мельком смотрю на часы – мне нужно знать, достаточно ли пес погулял. На экране ничего не видно, только моя пустая квартира, поэтому я открываю сайт «По пути», чтобы проверить свою теорию.

На главной странице красуется фото. Это привлекательная женщина в офисной обстановке. На ней минимум косметики, а волосы собраны в небрежный пучок. В зубах она держит карандаш. Каждый раз, когда я захожу на «По пути», то есть почти каждый день, я даю себе секунду полюбоваться ею. Это не может быть просто стоковым фото. Но это могла бы быть Красотка – женщина, которая обрабатывает все мои запросы.

Конечно, Красотка – не ее настоящее имя. Я просто не знаю, что обозначает ХТЭ, поэтому про себя называю ее так. И – вот это уже прозвучит жалко – она единственная женщина, с которой я поддерживаю постоянное общение. Но мы даже никогда не виделись.[4 - В оригинале инициалы Хейли – HTE (Hailey Taylor Emery) – персонаж трактуется как Hottie – сексуально привлекательная женщина, красотка.]

Вот только я почти уверен, что это она сегодня была у меня дома. Женщина на видео очень напоминает ту, которую я прямо сейчас сижу и пожираю глазами.

Очень напоминает.

Затем на видео наступает долгое затишье. Я чищу зубы и собираюсь ложиться в постель. Я проверяю счет других матчей, сыгранных сегодня, чтобы понять расстановку сил.

Наконец-то на экране снова что-то шевелится. Дверь открывается, и Красотка заводит Руфуса внутрь. Своим виляющим хвостом он цепляет ее по бедру. На ней обтягивающие джинсы, и ноги в них кажутся очень длинными.

Затем она склоняется к Руфусу и целует его в нос.

Счастливый поганец.

Несмотря на усталость, я кликаю по иконке приложения «По пути». Возможно, Красотка уже спит, но я все равно оставляю ей короткое сообщение.

Снайпер87:

«Кажется, Руфус остался доволен прогулкой. Успех?»

К моему удивлению, на экране появляются маленькие точки, значит, моя собеседница набирает ответ. Секунду спустя я получаю сообщение.

ХТЭ:

«Ты мне скажи. Только клиент может решить, успешно ли выполнено задание»

Снайпер87:

«Кажется, да. Ты не откажешься погулять с ним и завтра утром, правда?»

Возникает короткая пауза.

ХТЭ:

«Я пришлю ту же сотрудницу, если она тебя устраивает»

Еще мгновение я пристально смотрю на экран. Не знаю почему, но я уверен, что к Руфусу приходила сама Красотка. И я хочу, чтобы она признала это, хотя и не понимаю, почему меня это так волнует. Мы общаемся уже почти год, но это не флирт и ничего в таком духе.

Это деловые отношения. Вот только... не совсем. Эта женщина облагородила мое жилье. Она знает бренд моих трусов. Уже давно наше общение кажется чертовски личным. Она знает, что я разведен. Что я хотел бы чаще видеться со своими девчонками. Кстати, именно она предложила купить близняшкам такие же кровати, как стоят у них дома. «Так им будет привычнее оставаться у тебя», – предложила Красотка.

Снайпер87:

«Я очень доволен этой сотрудницей»

Но это слабо сказано, поэтому я решаю дописать еще немного.

Снайпер87:

«Я благодарен ей. К тому же она милая»

Под влиянием момента я нажимаю «Отправить» и уже не удивляюсь последовавшей паузе.

ХТЭ:

«Ты это сейчас подкатываешь к моей сотруднице?!»

Я держусь, чтобы не написать: «Нет, к тебе».

Честно говоря, я вообще не думал, что такое придет мне в голову. После развода у меня мыслей не было о женщинах. Почти. Я мужчина – я смотрел порно и дробил. Но я ни разу не пытался подцепить какую-нибудь девушку. Наоборот, я налево и направо отказываю всем, кто подходит ко мне в баре, когда мы ходим туда с командой. Я оказался в очень странном положении, когда мне кажется, что я слишком стар для отношений на одну ночь, но слишком обессилен для чего-то более серьезного. Остается только один выход: целибат.

Снайпер87:

«Просто заметил, что наша новая выгульщица очень милая, вот и все»

ХТЭ:

«Я непременно ей передам (сарказм)»

Снайпер87:

«Ты любишь хоккей?»

ХТЭ:

«Почему ты спрашиваешь?»

Снайпер87:

«Из любопытства»

ХТЭ:

«Думаю, можно и так сказать. А Ты любишь хоккей?»

Я хмыкаю себе под нос.

Снайпер87:

«Мне больше нравятся шахматы. Но хоккей тоже неплох. Но моя тонкая душа любит что-то менее жестокое».

ХТЭ:

«Ага, так и думала»

Мои глаза сощуриваются. Так, теперь она, кажется, дразнит меня. Вообще-то, должно быть, это она и делает, потому что эта женщина точно знает, кто я. Когда я только начинал использовать «По пути», мне всегда предлагали

несколько сотрудников. Но теперь меня всегда обслуживает ХТЭ, «совладелица, менеджер», как заявлено в ее профиле. Конечно же, я пожелал оставаться анонимным, но, как я понял, это распространяется только на попутчиков. Как владелица, ХТЭ наверняка владеет доступом ко всем профилям клиентов. То есть ей прекрасно известно, что я Мэтт Эриксон, нападающий команды «Торонто».

Снайпер87:

«Шучу. Хоккей лучший. Почему ты так долго не спишь?»

Долгая-долгая пауза. Я почти слышу недовольные нотки в ее ответе.

ХТЭ:

«Решила посмотреть игру в Чикаго, а теперь я на взводе и не могу уснуть».

Мое лицо растягивается в широкой ухмылке. Черт, почему мне так весело? И кажется, будто моя усталость рассеялась, как дымное облачко. Мне всегда становится легче на душе, когда я общаюсь с Красоткой.

Снайпер87:

«Надеюсь, поражение тебя не слишком расстроило»

ХТЭ:

«Естественно, сильно. Я безутешна»

Моим пальцам так и хочется напечатать в ответ: «Я бы с радостью приехал и утешил тебя»... И я бы не обманул. Мое либидо внезапно очнулось после долгого сна. Мой член и правда встает – а мы даже не говорим ни о чем сексуальном.

Снайпер87:

«Не забудь направить ту же выгульщицу завтра к десяти утра. Возможно, кое-что будет ждать ее на кухонном столе»

ХТЭ:

«О чем ты вообще?»

Снайпер87:

«Не беспокойся об этом»

Однако... дрянь. Теперь мне нужно найти способ оставить свой маленький подарок в квартире, все еще находясь в Чикаго. Я шевелю мозгами, пока, наконец, у меня не формируется четкий план. Кэти Хевитт, ликую я. У жены моего товарища по команде есть запасной ключ к моей новой квартире, и она наверняка меня выручит. Кэти – суперженщина.

ХТЭ:

«Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что что-то будет на столе?!»

Моя улыбка все еще горит на лице, и я пишу ей два коротких слова, игнорируя вопрос.

Снайпер87:

«Снов, ХТЭ»

ХТЭ:

«Снайпер, отвечай на вопрос!»

ХТЭ:

«Мы в «По пути» не любим сюрпризы»

ХТЭ:

«Снайпер? Ты здесь?!»

ХТЭ:

«Снайпер?!»

Фетиш на плечи

Хейли

Я всю ночь кручусь и не могу уснуть после того, что сказал Снайпер. Когда в половине седьмого звенит будильник, я громко мычу в потолок.

Он назвал меня милой. И не раз!

Может быть, я самая жалкая девушка в мире, но я не легла спать, пока не перечитала нашу переписку раз сто.

Не следовало мне с ним флиртовать. Но, черт побери, мне понравилось.

На улице уже рассвет, и я, в конце концов, тащу свою усталую задницу в офис. Мы с программистом обсуждаем обновления в мобильном приложении, но я то и дело поглядываю на часы.

Жду не дождусь, когда можно будет идти гулять с собакой. Вот до чего я докатилась. Собака, конечно, славная. Но тем не менее...

Когда время близится к десяти, я сворачиваю наше совещание и выпроваживаю программиста из своего кабинета. Не хочу опоздать на прогулку с Руфусом. Но, проклятье, мне приходит новый срочный запрос – Мистер Член подкинул работенку.

Я пишу Дженни, и – не успеваю и глазом моргнуть – она уже в моем кабинете.

– Что он вытворил на этот раз? – в нетерпении спрашивает она.

– Еще не открывала, я же знала, что ты захочешь поприсутствовать при этом.

– Ты лучшая! – говорит та, огибая стол, чтобы заглянуть в монитор. – Давай сходим выпить? Только завтра, сегодня у меня тренировка по роллер-дерби.

– Конечно. – Дженни нравится вытаскивать меня куда-то и искать нам достойных мужчин. Обычно ее планы не срабатывают, но лучше так, чем уныло сидеть дома. – Только выбери место с телевизором, хорошо? У наших домашний матч с «Буффало». И я думаю, у них есть все шансы выиграть. Уже не могу дождаться.

Подруга несчастно стонет.

- Не спорт-бар. Мне хочется шика, а не пивного перегара и арахисовой шелухи.

- Но там будет много мужчин, - напоминаю я.

Она задумчиво хмурится.

- Я поразмыслю над этим.

- Уж поразмысли. - Я открываю запрос Мистера Члена. Он гласит: «Мистеру Восьмидюймовому требуется одно шелковое кимоно».

- О господи! - хмыкает Дженни. - Здесь нас может поджидать что-то хорошее.

И Мистер Член нас не разочаровывает. Ему нужно мужское кимоно в размере М. «Не короче сорока восьми дюймов в длину, - уточнил он. - 100 % шелк. Цвет любой». [5 - * 48 дюймов = 121,91 см.]

Естественно, здесь есть и фотография. Он вырезал свое лицо, к нашему большому сожалению, потому что мы целую вечность мечтаем на него посмотреть. Зато тело осталось в кадре - почти голое: на нем надеты только стрейчевые ярко-голубые трусы, и его члену в них явно тесно.

Дженни хихикает, но у меня поджимает время.

На снимке мерная лента свисает с его плеча вдоль тела и заканчивается у колена. Я приближаю фото и вижу, что на ленте указано пятьдесят дюймов. [6 - 50 дюймов = 127 см.]

- Как думаешь, сможешь найти кимоно? - спрашиваю я. - Можешь пользоваться моим компьютером, если хочешь. Я сейчас убегаю по кое-какому делу. - Я бросаю взгляд на часы и вижу, что время прогулки все ближе.

– Подожди-ка. Приблизь еще! Мы наконец-то можем понять, говорит ли Мистер Восьмидюймовый правду! Угол ленты не совсем подходящий, правда. Но мы можем применить тригонометрию и высчитать, равна ли гипотенуза восьми дюймам. Воспользуемся теоремой Пифагора.

– Пора бежать, – говорю я, вставая с кресла. – Я напишу тебе минут через двадцать, ладно? Если сложно будет найти кимоно, придумаем что-нибудь вместе.

Дженни шлепается в освободившееся кресло, но глазами продолжает следить за мной, пока я надеваю куртку.

– Ты ведешь себя как-то странно.

– Я просто опаздываю. Пока! – Я сбегая, оставляя Дженни в недоумении. Надеюсь, она отыщет кимоно для богача с длинным шлангом.

И кто еще скажет, что у меня скучная работа?

Квартира Снайпера всего в паре кварталов от моего офиса, поэтому быстрым шагом я добираюсь туда за несколько минут. Сегодня на прогулку с Руфусом я выбрала обувь поудобнее. На входе в дом меня встречает швейцар в жакете с сияющими пуговицами и проводит внутрь.

– Я пришла выгулять Руфуса из квартиры 303, – говорю я.

– Он будет рад вас видеть. Я уже выводил его на улицу во время своего перерыва, но с тех пор прошло несколько часов.

Двери лифта открываются, и я выхожу. Коридор выстелен ковром, поэтому моих шагов почти не слышно.

Дверь Снайпера открывается кодовым ключом. Код – 1967. Это год, когда команда «Торонто» выиграла Кубок Стэнли.

Но это ничего не значит. Мы же в Онтарио. Здесь половина кодов безопасности будут 1967. Мы ценим своих хоккеистов.

– Гав! – Руфус вскакивает с дивана. Он довольно лает и виляет хвостом. Я наклоняюсь к нему, и он начинает обнюхивать меня со всех сторон. «Видишь, какой я хороший мальчик? Я так долго был дома один и не сгрыз папину мебель».

– Ты очень хороший мальчик, – соглашаюсь я. – Лучший. Почему бы тебе не сходить за своим поводком, чтобы мы могли пойти на прогулку.

Он уносится за поводком, а я остаюсь рассматривать безупречную кухню. На столе ничего нет, за исключением двух вещей. Фруктовой вазы, которую я выбрала в комплект к остальной посуде.

И белой карточки, сложенной вдвое.

Я пересекаю комнату, чтобы увидеть, что там написано. Чем ближе я подхожу, тем лучше различаю слова на ней.

Я хватаю карточку. Внутри два билета на завтрашнюю домашнюю игру.

В ряду D.

Я вскрикиваю от восторга и тут же вспоминаю, что за мной следит камера.

Руфус гавкает в знак солидарности. Мне становится неловко, и я скромно складываю карточку с билетами в карман куртки и застегиваю молнию.

Мы с Руфусом бежим к парку, и там я уже пишу Дженни: «Планы меняются. Завтра вечером идем на игру. Только что заполучила пару билетов».

«Ничегооооо себе, – мгновенно приходит ответ. – И как это произошло?»

«Это совершенно секретно», – я пытаюсь скрыть правду, но кого я обманываю? Она вытащит из меня все до единого слова, как только я вернусь в офис.

Серьезно, кто бы о таком промолчал?

Следующим вечером я страшно волнуюсь, кажется, будто я и в самом деле встречу Мэтта Эриксона. Но этого не случится. Скорее всего, мы никогда с ним не встретимся. Тем не менее я немного задерживаюсь в дамской комнате и тщательнее, чем обычно, накладываю помаду перед выходом. Можно подумать, я иду на свидание.

Вернувшись за рабочий стол, я отправляю Дженни сообщение: «Выхожу. Встретимся у входа через 20 минут!» Затем складываю ключи и телефон в сумку и собираюсь выходить из офиса.

Но мне нужно сделать еще один серьезный выбор. Джерси или не джерси? Вот в чем вопрос. Целый день не могу решить.

С одной стороны, преданный фанат не придет на игру без нее. И, что уж скрывать, я слегка суеверна. Единственный раз, когда я забыла свою джерси, обернулся для моих парней поражением.

Но, с другой стороны, сзади на моей джерси написано «ЭРИКСОН». И если Мэтт вручил мне билеты, чтобы проверить, приду я или нет, мне не следует выдавать себя как суперфанатку. Да, я свешиваю язык каждый раз, когда вижу его по телевизору, но мне нужно сохранять видимость профессионализма, пока мы работаем вместе.

Что же делать?

Если я буду так долго переживать, я пропущу вброс шайбы. Поэтому я запикиваю джерси в свою гигантскую сумку и ухожу из офиса, щелкая замком.

Снаружи кабинета я бегло оглядываюсь. Дион сегодня руководит ночной сменой. Он поднимает глаза, чтобы отсалютовать мне, и я повторяю его жест. Хороший знак. На Диона можно положиться, он обычно со всеми проблемами справляется сам.

«По пути» круглосуточно обслуживает своих многочисленных клиентов. Но с восьми вечера и до восьми утра наши услуги стоят дороже. В плане бизнеса это очень разумный ход. Сегодня на ночной смене пять попутчиков, считая Диона.

И поскольку сегодня четный день месяца, я на дежурстве. Боюсь, что посреди игры меня выдернут в офис решать какую-нибудь проблему. Хотя риск и невелик.

Сейчас у ребят, кажется, все спокойно, поэтому я иду к двери. Прямо у выхода замечаю полоску света под дверью Джексона. Странно, что он остался допоздна в мое дежурство. Может быть, что-то случилось?

Пара шагов по коридору, и я у его офиса. За дверью раздаются голоса.

– Прекрасное здание, – говорит Джексон. – Расположение тоже отличное. Я ходил туда с Мелиндой, и она сказала, ей нравится этот район. Там красиво.

Мое сердце сжимается. Мелинда, да? Я слышала шепотки, что Джексон с кем-то встречается. Конечно, это должно было когда-то случиться. Но теперь они вместе подбирают жилье? Уже?

Из-за своей злости я чуть не пропускаю кое-что еще. Теперь слышится голос моего тестя, и мне становится ясно, что я все неправильно поняла.

– Удобно для пешеходов, – говорит мистер Эмери. – Уровень дохода в среднем по району даже выше, чем здесь, в Йорквилле. Будете грести деньги лопатой.

– Но мы не готовы расширяться, – нерешительно говорит Джексон. – Сейчас просто неподходящее время.

– И чья это вина, сын?

Дальше наступает короткая пауза, и у меня по спине проходит холодок. Отец Джексона – самый конфликтный человек на свете. И Джексон плохо умеет вовремя давать ему отпор.

– Отец...

– Выкупи ее долю, Джек. Сделай это сейчас. Твой бизнес не сдвинется с мертвой точки, пока Хейли дергает тебя за ниточки.

Холодок превращается в арктическую стужу.

– Ты несправедлив, – мягко замечает Джексон, а я тихонько умираю за дверью. Приятно, что он вступился за меня, но от того, что они вообще завели этот разговор, мне хочется выть. – «По пути» – наш с ней общий бизнес.

– Именно поэтому она и уцепится за возможность заработать, – продолжает настаивать его отец. – С вашим положением дел у девчонки наверняка не водится много денег. Давай я одолжу тебе полмиллиона, чтобы ты откупился? Через год у тебя уже будут офисы в четырех городах!

С какой ужасной простотой он говорит о моей отставке. Мистер Эмери никогда не хотел, чтобы мы с Джексонсом начинали это дело, но с тех пор, как пошли первые успехи, он все порывается стать нашим инвестором. И мы всегда отказываемся от его предложений.

По крайней мере, всегда отказывались до сих пор. Но теперь мы разведены, и Джексон сильно изменился за это время.

За дверью слышится оживление, и страх подстегивает меня двигаться. Я делаю два робких шага назад, разворачиваюсь и вылетаю наружу на всех парах.

Я мчусь по лестнице и даже не засматриваюсь на кирпичную кладку или старинные железные канделябры. Мне нравится этот офис, скрытый за многомиллионными домами Йорквилла. И мне нравится эта маленькая компания, которую мы с мужем построили.

Они не смогут выкупить мою долю. Я им не дам.

Пока я шагаю вдоль Сколлард-стрит, внутри меня сгущается злоба. К черту тебя, мистер Эмери. Я никогда не дергала Джексона за ниточки. К черту этого старика! Я ему никогда не нравилась.

И «никогда» значит никогда. Даже когда мне было семь и я лазила с Джексоном по деревьям на заднем дворе, он постоянно поджимал губу при виде меня. С малых лет он дал мне понять, что я недостаточно хороша для его сына. Что хулиганка, которую воспитывала мать-одиночка из среднего класса, никогда не станет частью его богатого семейства.

Много раз за последние полтора года я напоминала себе, что развод в двадцать семь может нести в себе что-то хорошее, если тебе больше не нужно называть Герберта Эмери своим тестем.

Окрыленная яростью, я дохожу до метро. Но к тому моменту, как провожу картой «Метропасс» по турникету, злость совсем затихает и уступает место грусти.

В конце концов, я не знаю больше никого, кто делил бы бизнес пополам со своим бывшим мужем. Это странно. Я признаю. Мы даже не избегаем друг друга. Я каждый день вижу его на работе. Или почти каждый день. Мы больше не живем в одном доме, но я слушаю, если скажу, что смогла все забыть.

Да и забуду ли я когда-нибудь?

В девятнадцать я вышла замуж за ближайшего в прямом смысле парня. Мы с Джексоном были знакомы с пеленок. Мы выросли в пригороде Торонто, и обоим дома приходилось непросто. Джексоному – потому что его отец был слишком успешным и властным. Мне – потому что мама постоянно меня унижала, а временами и вовсе давала волю рукам.

Еще с ранних лет мы с Джексоном находили отдушину в нашей дружбе и от всех невзгод прятались в его домике на дереве.

В какой-то момент, когда мы учились в старшей школе, я перестала ходить на ночевки в домике на дереве и стала уходить, чтобы переночевать у Джексона. Спустя год мы поступили в один колледж. И когда мне исполнилось девятнадцать, во время весенней поездки в Лас-Вегас мы тайком поженились. С тех пор прошло десять лет.

Пять лет назад мы с Джексоном смотрели реалити-шоу, и у нас появилась идея для «По пути». Сначала это была просто сырая задумка. Но когда компания Джексона переехала в Ванкувер, он лишился работы. Поэтому наша идея превратилась в план. Я бросила работу в банке, чтобы помочь ему начать свое дело. На третий год компания принесла нам первый доход, и с тех пор мы не перестаем расти.

А восемнадцать месяцев назад... Мы с Джексоном пили кофе за его столом, и он деликатно заговорил о разводе. «Мы отличные друзья. У нас бомбезный бизнес. Но я не думаю, что мы сгодились бы на звание самой романтичной пары в мире», – заметил он.

Хотя чутье и говорило мне, что он прав, в тот самый момент мое сердце разбилось. И вся я словно разбилась.

Откровенно говоря, я до сих пор та еще развалина. Слова Джексона все еще жгут меня так сильно, что последние полтора года я только и делаю, что работаю как лошадь.

Джексон забрал свои вещи и оставил мне квартиру со всей мебелью. Он задумывал это как акт милосердия – мне не нужно было искать новое жилье или покупать новые вещи. Но теперь я живу в музее нашей супружеской жизни. По утрам я все еще ем хлопья из тарелок, которые мы вместе выбрали в Итон-центре. После душа я вытираюсь полотенцами того самого оттенка голубого, который нравился Джексону.

Может быть, наши отношения и не были самыми страстными. Но страсть – это же не все. Во многом мы так похожи. Прощание с кем-то настолько близким всегда оставляет за собой большую дыру.

А теперь его отец хочет и вовсе избавиться от меня.

Когда поезд подъезжает к остановке у хоккейного стадиона, я всерьез задумываюсь об идее мистера Эмери. Если я продам свою долю в компании, у меня будут деньги переехать куда-нибудь еще, начать все с чистого листа. Я могла бы осуществить давнюю мечту и попутешествовать, а потом найти новую работу.

Конечно, я думала, что неплохо было бы отстраниться от Джексона. Но черт побери! Этот бизнес наполовину мой, и он успешный. Все детство мать убеждала меня, что я никогда ничего не добьюсь. Но я смогла.

Даже если здесь только половина моего успеха.

А еще я не знала, что Джексону так не терпится открыть отделения в других районах. Раньше у нас заходила речь о расширении, но в неопределенном «когда-нибудь».

Может быть, все эти месяцы он ждал, пока я сама пойму, что мне нужно отойти в сторону? От этой мысли мне становится грустно. Зато все встает на свои места. В отличие от своего отца Джексон – хороший человек. Он бы дождался, пока я сама уйду. Он дал бы мне время понять, что пора уходить.

Мы всегда хорошо подходили друг другу. Кроме нас, я не знала ни одной пары, которая никогда не ругалась бы. И он захотел развестись. Потому что это ведь так логично. Если кто-то спрашивает меня об этом, я всегда говорю, что мы расстались друзьями и как я этому рада. Но только в первой половине ответа я не лукавлю.

К счастью, у меня всегда остается хоккей.

Я выхожу на улицу, и меня накрывает волной предвкушения перед игрой. Красные джерси роятся у турникета, и я обхожу этот счастливый хаос в поисках Дженни.

– Я здесь!

Я разворачиваюсь и вижу, что искать было бесполезно – настолько удачно ее джерси сливается с фотографиями на стене. У нее широкая улыбка и джерси,

как у капитана команды.

- Давай же! - визжит она. - Вброс шайбы через пятнадцать минут. А нам еще нужно купить еду. - Я подхожу и вижу, что под мышкой она держит плакат.

- Подожди-ка. - Я окидываю взглядом картон. - Что на нем? - Дженни немного, как бы сказать, раскрепощеннее, чем я, и плакат вполне может предлагать минет за каждый забитый гол.

Она слегка разворачивает его ко мне, и я читаю: «ВПЕРЕД, ПАРНИ! ЭТО НАШ ГОД!» Слава богу. Теперь, наверное, нас не покажут по ESPN в рубрике о самых безумных фанатах вечера. [7 - Американский спортивный канал на кабельном телевидении.]

- Пойдем за сэндвичами со свининой и пивом. Я угощаю.

- Тебе необязательно платить, - напоминаю я.

- Я знаю. Но если я куплю нам поесть, в следующий раз, когда будущий мистер Хейли добудет нам места, ты обязана будешь пригласить меня снова.

- А ты все спланировала, да?

- А ты как думала? - Она одаривает меня дерзкой ухмылочкой, и моя любовь к ней в ту же секунду множится в четыре раза. Дженни была одной из первых сотрудниц «По пути», мы взяли ее прямо перед открытием. Она одна из наших менеджеров и, определенно, моя лучшая подруга. Технически я ее босс, но чаще всего мы притворяемся, что нет.

У меня бизнес пополам с мужем. Я хожу по барам с сотрудницей. Может быть, моя жизнь слегка клаустрофобная. Ну и попробуйте меня осудить.

Мы покупаем еду и спускаемся к лучшим в мире местам.

- Вау! - У меня захватывает дух от зрелища разминающихся хоккеистов.

– Вау, – повторяет Дженни, и ее глаза расширяются при виде наших идолов, скользящих мимо нас. Мы настолько близко к месту действия, что слышим, как сталь скрипит по льду. – Я близка к религиозному опыту, как никогда.

– Ты сказала то же самое на концерте U2 в прошлом году.

– Но Боно не растягивал свои мощные ноги в десяти футах от меня. – Дженни счастливо вздыхает, когда внушительная фигура нападающего Блейка Райли проносится мимо. Он улыбается и посылает воздушный поцелуй прямо в нашу сторону. Нет – кому-то прямо около нас. [8 - 10 футов = 3,04 м.]

– Люблю тебя, малыш! – кричит кто-то несколькими рядами сзади.

Волей инстинкта я оборачиваюсь. Симпатичная блондинка машет Райли, а я перевожу взгляд на мужчину рядом с ней.

Затем, вполне даже естественно, поворачиваюсь обратно, а мое сердце безумствует.

– Дженни! – выдавливаю я, когда начинается национальный гимн и мы встаем. Мне приходится шептать ей в ухо, потому что зритель прямо за нами поет «О, Канада» на громкости, недоступной обычным человеческим легким. – За нами сидят семьи игроков. В том числе вторая половинка Уэсли.

Глаза Дженни выкатываются из орбит, и она пытается мельком рассмотреть Джейми Каннинга, мужа звездного игрока Райана Уэсли.

– Это невероятные места, – шепотком отвечает она. – Ты бы продолжала выгуливать ту собачку, мисси. Я хочу вернуться сюда на следующей неделе.

Тут я замечаю Мэтта Эриксона, и мой пульс разгоняется в несколько раз. Он выезжает на арену с Уэсли и Блейком, и втроем они занимают позиции для вбрасывания. Все его внимание обращено к шайбе, точеное лицо принимает серьезное выражение.

Я все напряжена, когда падает шайба, и даже не знаю почему. Они сразу же разъезжаются, и Уэсли уводит шайбу, а потом передает ее Эриксону. Я срываюсь

на восторженный визг и наклоняюсь вперед.

Я девочка из Торонто, и сегодня я в родной среде. Услышьте мой рев.

- ПРИКОНЧИ ИХ, МЭТТИ! - кричу я.

- Ау! - жалуется Дженни, прикрывая ухо. - Спокойнее. На U2 было не так громко.

- Прости.

- НО ФАНАТЫ ХОККЕЯ НЕ СДЕРЖИВАЮТСЯ! - ревет женщина сзади. - ПОКАЖИ ИМ, БЛЕЙКИ! НАДЕРИ ЕМУ ЗАДНИЦУ!

- ДА! - ликую я. - ЗАВАЛИ ЕГО, КАК ДЕВЧОНКУ НА ВЫПУСКНОМ!

- Вот это да, - говорит Дженни, глядя на меня удивленными глазами. - Я знала, что ты фанатка, но не знала...

Она не успевает закончить предложение, потому что «Торонто» пробиваются к воротам. Уэсли передает шайбу Эриксону, он бьет и... Моя кровь застывает в жилах.

Ее парируют. Вратарь эффектно отражает удар краем перчатки, а защитник отправляет шайбу дальше.

- ОТЛИЧНАЯ ПОПЫТКА! - кричит Дженни на общем подъеме.

Следующие двадцать минут игра идет так насыщенно, что мы не думаем больше ни о чем. Первый тайм пролетает мощным вихрем. Наши парни не забили, но «Буффало» приходится несладко.

- Семнадцать бросков по воротам, - ворчит Дженни. - Видимо, их вратарь сходил с утра в церковь или что-то вроде того.

- Не важно, - у меня охрип голос. - Мы победим сегодня. Я это чувствую.

Мы забегаем в дамскую комнату и покупаем еще две банки пива. Камера поцелуев делает свои делишки, но я не смотрю на экран. Сегодня я не разведенка в двадцать семь. Сегодня я тусовщица с желанными билетами на лучшую игру в мире.

И в кои-то веки вселенная заодно со мной. Мы забиваем трижды во втором периоде и дважды – в третьем. Мэтт Эриксон забивает гол и зарабатывает очко за результативную передачу. Оба раза я кричу что есть мочи. «Буффало» отстают, и за три минуты до конца игры наши ведут со счетом 5:2.

Уставшая и потная, я смотрю, как мои герои выстраиваются для еще одного вброса. Они знают, что принесут домой победу, и весь стадион замирает в ожидании.

– Вау, – выдыхаю я и обмахиваю свое разгоряченное лицо. – Это так заряжает. Я уже больше года не...

– Занималась сексом? – заканчивает за меня Дженни.

– Не ходила на хоккей, – исправляю я, хотя и ее вариант подходит.

– Эй! – Дженни возвращает мое внимание к арене. Естественно, мой взгляд тянется к любимому игроку. – Эриксона удаляют за подножку.

И правда, комментатор объявляет малый скамеечный штраф. И внезапно объект моих воздыханий едет прямо на меня, выглядит он очень угрюмо. Никогда еще я не была к нему так близко. И то, как его плечи двигаются при каждом шаге, будит во мне необычный голод.

Это странно, что у меня фетиш на плечи? «Соберись», – говорю я себе, когда он опускается на скамью. Это просто его подкладки. Но от этого становится только любопытнее, как он выглядит под ними.

И в этот момент он поворачивает голову.

– Боже мой! – пищит Дженни.

То же самое думаю и я. Я в некотором роде застыла. Как какая-нибудь жертва мистера Фриза из комиксов, которые собирает Джексон. Я осознаю, что плююсь на него и, вероятно, сижу с отвисшей челюстью. Но эти серые глаза! Такие будоражащие. Его фотографии в прессе не врут. [9 - Персонаж вселенной DC Comics. Чаще всего выступает противником Бэтмена.]

Я чувствую шевеление слева – со стороны Дженни. Но я не смотрю на нее. Все еще не могу пошевелиться.

А затем – клянусь богом – его чувственные губы складываются в улыбку, и он возвращает взгляд на лед. И мое наваждение спадает. Я поворачиваюсь к Дженни и собираюсь что-то сказать. Она все еще держит свой плакат. Нет – она держит другой плакат.

– Господи. Что ты наделала?

– Просто маленькая смешная шутка, – говорит она и прячет плакат под сиденье.

– Дженни! – Я едва дышу, пытаюсь удержать ее руки и взглянуть на надпись еще раз.

«ХТЭ СВОБОДНА!» – кричит плакат.

– Что... О боже. Ты не могла этого сделать! – От стыда меня бросает в жар.

Быстро, как ниндзя, она перехватывает мои запястья.

– Дыши, ладно? Он назвал тебя милой, ради всего святого. Я просто слегка его подтолкнула.

– Он клиент!

– Мне плевать! Это твоя жизнь, Хейли. Другой не будет. Прежняя Хейли была самой уверенной женщиной, которую я знала. Верни мне ее, ладно? Перестань поджимать хвост, как обиженный щенок, и закрути роман с этим мужчиной. Умоляю тебя, ну же. Любые дрожжания того стоят.

– Любые... Что? – Дженни нравится выдумывать слова, но сегодня я слишком потрясена, чтобы разгадывать их значение.

– Волнения. Бабочки в животе. Ты от одного его взгляда почти заработала аневризму.

– Неправда. – Вообще-то, правда. – Только тогда, когда я увидела твой дурацкий плакат.

Дженни только ухмыляется. Звучит финальная сирена, и пятнадцать тысяч фанатов встают с мест, чтобы поздравить свою команду.

Что ж. Даже если я умру от стыда, когда получу следующее сообщение Снайпера87, по крайней мере, мы победили «Буффало».

Чрезвычайная ситуация за завтраком

Мэтт

ХТЭ свободна.

На следующее утро после игры я все еще хихикаю себе под нос. Сама идея с плакатом была забавной, но ярко-красные щеки женщины, сидящей рядом с той, что держала его? Это было бесценно.

И даже с лицом цвета спелых томатов Красотка выглядела роскошно, вживую даже красивее, чем на главной странице сайта. У нее темно-голубые глаза цвета океана после шторма. Смотреть в них было настоящим удовольствием – пусть это и длилось несчастные три секунды. Даже сейчас мне не верится, что она пришла на игру, хотя пропустить матч, имея такие билеты на руках, было бы глупостью.

Возможно, мне стоит пригласить ее на ужин.

Я думаю над этим, пока чищу зубы в главной ванной. Полощу рот, сплевываю, рассматриваю свое отражение в зеркале. За несколько дней у меня появилась русая щетина. Глаза немного воспалились. А волосы, которые я обычно регулярно подстригаю, отросли и торчат во все стороны. Весь мой вид говорит о том, что я не готов звать Красотку, да и вообще ни одну женщину, ни на какое треклятое свидание.

Гребаный развод.

Последние восемнадцать месяцев я злюсь на Кару за то, что она меня бросила. Хотя мы и переживали трудный период, я бы никогда так с ней не поступил. Но иногда случается, что... Я... Черт, иногда я чувствую... Облегчение.

От стыда мне невыносимо смотреть на себя в зеркало. Ненавижу, когда такие мысли пробираются в голову. Мне не легче от того, что мой брак разлетелся в прах. Мне грустно.

И я чувствую облегчение.

Нет, я несчастен.

Но также чувствую облегчение.

Беззвучный вопль рождается у меня в горле, но не находит выхода. Я шагаю в спальню и хватаю чистые вещи из шкафа. Черт, ладно. Приходится отступить перед напором моего предательского подсознательного – последний год с Карой был очень даже отвратительным.

«Только последний год?» – насмехается мой проклятый мозг.

Ладно, может быть, больше года. Может быть, еще задолго до этого я чувствовал, что наш брак распадается. Честно говоря, размолвки начались с рождения близняшек. А там, если не брать во внимание, что Кара страдала необоснованной ревностью с долей собственничества, а я часто уезжал и иногда ленился, наши первые два года в браке были превосходными. Но вот когда появились девочки, Кара решила, что я все делаю неправильно и отныне все будет, как она скажет, – а она никогда не искала легких путей.

Не поймите меня неправильно, я не виню детей в наших проблемах. Я люблю своих девочек. Я ни за что в мире не отказался бы от них.

Бззззззз.

Я радуюсь, когда телефон на прикроватном столике начинает разрываться. К слову о моих девочках...

Я хватаю трубку и нажимаю кнопку, которая соединит меня со швейцаром.

– Томми, старина, – говорю я довольно. – Пожалуйста, скажи мне, что ко мне поднимаются две прекрасные леди.

– Три, – уточняет он, и я слышу улыбку в его голосе. – Они только что вошли в лифт.

– Спасибо. – Я вешаю трубку и натягиваю спортивные штаны, потом набрасываю на себя худи с логотипом команды и спешу открывать дверь. Гигантские окна на всю комнату сияют в рассветных лучах. Сегодня восхитительный день: небо голубое, а на ковре у меня приютились солнечные зайчики. В квартире полетному тепло, но снаружи такая холодина, что можно легко отморозить жопу.

Мне не терпится услышать их стук в дверь. Девочки останутся у меня до завтрашнего утра, а потом мама заберет их к родителям в Маркхем, славный пригород на северо-западе, где они и проведут весь следующий день.

Я ужасно расстроился, когда узнал, что они не останутся у меня завтра. Мне хотелось указать Каре на то, что ее родители и так видятся с внучками каждую пятницу за обедом – они завели эту традицию, когда малышки еще носили подгузники, – но спорить с моей бывшей как о стену горохом. Последнее слово всегда за ней. Всегда.

– ПАПОЧКА!! – визжат два тонких голоска, как только я открываю дверь.

Наклоняюсь, чтобы взять дочек на руки. Две пары маленьких ручек обхватывают меня за шею. Два изящных личика смотрят на меня с восхищением и заливаются хохотом, пока я целую их пухленькие щечки.

– Боже, как я по вам соскучился! – Я прижимаю своих четырехлетних дочек к груди, и меня переполняют чувства.

– Я тоже скучала, папочка! – кричит Джун.

– И я! – не отстает Либби.

– Правда? Как дела у моего жучка? – Я ворошу темные волосы Джун, а потом делаю то же самое с ее близняшкой. – А у моей Либби-Лу? [10 - В оригинале герой называет дочь Junebug, т. е. июньский жук.][11 - Отсылка к сети магазинов «Клуб Либби Лу». Сеть существовала с 2000 по 2009 год и предлагала девочкам 4–12 лет широкий спектр девчачьих товаров, косметических услуг, а также возможность самим создавать свои духи, лосьоны, блеск для губ и прочее.]

– Мама купила нам новые шапки!

– С помпонами!

Я ахаю.

– Не может быть! Тогда почему вы не в них?

– Мамочка говорит, еще не так холодно, – сообщает мне Джун.

Я давлюсь ругательством. Разумеется, как же иначе. Кара эксперт во всем, в том числе в высчитывании сезонных изменений в Торонто и выдаче разрешений нашим детям носить шапки. Чтобы отвлечься, я кружу детей еще раз, а они счастливо пищат.

– Будь так добр, поставь их на место! – раздается резкий голос у двери. – Они еще не завтракали, и, если будешь и дальше их крутить, их может стошнить.

То ругательство, которое раньше застряло у меня в горле, теперь превращается в цепочку бранных слов, и они все вместе рвутся наружу. Но вместо этого я делаю вдох и мягко опускаю дочерей на ноги.

– РУФУС! – кричит Джун. Пес только что вышел из-за угла, чтобы посмотреть, к чему вся суета в холле. Такой вот он дерьмовый охранник, раз только сейчас соизволил показать нос. Ленивый засранец.

Когда близняшки уносятся тискать собаку, я поворачиваюсь к Каре и заставляю себя посмотреть на нее. И вот что я вижу: блестящие каштановые волосы, упругими локонами спадающие по плечам, гибкое тело, прикрытое джинсами и кожаной курткой, яркий шерстяной шарф, оттеняющий цвет ее щек. Уж ей развод точно на пользу. Или, может быть, ей на пользу идет новый парень, дантист. Старый добрый Дантист Дэн, мужчина, который проводит с моими детьми больше времени, чем я сам.

Но разве ее это волнует?

Эта женщина сама решила, что я недостойн оставаться полноправным членом семьи. Что моим детям будет лучше видеться с папочкой раз в неделю или даже в две. Она забросила меня в дальний ящик, как будто я какая-нибудь из ее дизайнерских шмоток, которая вышла из моды.

Во мне непроизвольно закипает гнев. Но я не хочу начинать день со злобы, и это не тот тон, которым стоит обращаться к Ее Величеству. Поэтому я выдавливаю из себя нечто славное:

– Как дела, Кара? Ты отлично выглядишь. – Я не лгу к тому же. Моя бывшая так же прекрасна, как и в день нашей свадьбы.

– Я бы сказала тебе то же самое, но... – Она слегка задирает носик. – У тебя сломалась бритва?

Я выдаю ей кривую улыбку.

– Не-а. Примеряю роль брутального парня, – показываю я на бороду. – Что? Слишком высоко целюсь?

Нехотя она вытягивает губы в улыбку.

– Прости, Мэтти, но да, ты недотягиваешь.

Меня немного смягчает ее ласковое «Мэтти». С Карой никогда не знаешь, что тебя ждет – смешливая двадцатидвухлетняя болтушка, какой я ее встретил, или язвительная, жесткая женщина, которая развелась со мной в двадцать девять.

Порой меня и сейчас удивляют ее перемены. Конечно, некоторые неприятные черты ее характера сопровождали весь наш брак – ее пессимизм, ее несдержанность, ее нетерпеливость. Но сначала она была веселой. Она рисковала, смеялась, умела расслабляться. Но почему-то затем эти расслабленные периоды случались все реже и реже и она становилась все более и более непреклонной.

Конечно, она перекладывает всю вину на меня. Говорит, что мой хоккейный образ жизни все испортил, что я все испортил. «Я устала разочаровываться», – прошептала она после одной из наших ссор, всего за пару месяцев до развода. В тот раз я пропустил праздничный ужин в честь годовщины ее родителей, потому что наш рейс из Мичигана задержался из-за метели. Разумеется, я не хотел пропускать никаких важных событий, но в глазах Кары это было еще одной неоновой вывеской, сигналивающей: «Моему мужу плевать на меня!»

Мэттью Эриксон, мои дорогие. Неизлечимый разрушитель женских надежд.

– Как бы то ни было, – начинает моя бывшая жена, – уверена, ты уже об этом позаботился, но я хотела напомнить, что девочки сейчас на безглютеновой диете, так что никаких вафель на завтрак.

– Подожди, ты о чем? – Я моргаю в замешательстве. Я всегда готовлю девочкам вафли на завтрак. Это наша традиция.

Кара пренебрежительно фыркает.

– Никакого глютена, Мэтт. Сделай им скрэмбл. Еще я прислала тебе разные варианты обедов и ужинов.

Что за херню она несет?

– Что за херню ты несешь? – спрашиваю я вслух, но тут же съеживаюсь и оборачиваюсь в сторону гостиной, однако девочки слишком увлечены

заискиванием перед Руфусом, чтобы услышать плохое слово из папиных уст.

- Ты не проверял почту, - сухо отрезает Кара.

- У меня была игра вчера вечером, - цежу я сквозь сжатые зубы по пути к кухонному столу, где лежит телефон. Спешно открываю почту и кликаю на имя Кары.

- И ты не проверил почту этим утром?

Я пропускаю ее слова мимо ушей и пробегаю глазами сообщение. Твою мать. Она накатала целую поэму. И да, она действительно не забыла предложить возможный план питания на этот непростительно короткий визит моих малышек. Она называет это «предложениями», но мы оба понимаем, что она имеет в виду.

- Чем провинился глютен? - спрашиваю я сдержанно.

Она хмурится и поджимает губы.

- Я говорила тебе на прошлой неделе, что у Элизабет было несварение. Я проанализировала ее рацион и уверена, что глютен дестабилизирует ее пищеварение.

Или у нее, на хрен, просто болит живот - наверняка она ухватила больше печенья, чем стоило, пока Диктатор Мамочка не смотрела, - и это никак не связано с гребаным глютенем.

- Мы говорили об этом, - раздраженно продолжает Кара. - И ты согласился поменять питание девочек.

Не помню, чтобы я с этим соглашался, но, если честно, наверное, так и было. Наши еженедельные звонки сводятся к часовому брюзжанию Кары и моим периодическим «ага» и «конечно», а еще «звучит неплохо».

- Хорошо, - мычу я. - У Либби непереносимость глютена. Глютен злой. Мы изгоняем глютен из этого дома.

- Ты насмехаешься надо мной?

- Вовсе нет.

По мрачному выражению Кары я понимаю, что она мне не верит. Но потом она лепит улыбку на лицо и кричит девочкам:

- Идите-ка сюда, мои ангелочки! Скажите мамочке «пока»!

Джун и Либби бегут обнимать и целовать маму. Кара крепко прижимает их к себе и приговаривает:

- Будьте умницами, хорошо? Звоните мне с любыми вопросами. У меня сегодня планы на ужин, но телефон всегда будет рядом.

- Большое свидание с Дантистом Дэном, а? Не забудь прополоскать рот.

Она стреляет в меня взглядом поверх голов дочерей, и ее глаза полны ненависти.

- Да, у меня ужин с Дэниелом. Но, я повторяюсь, телефон всегда рядом.

Моим дочерям по четыре года, и они прекрасно могут сказать, что им нужно. Но Кара думает, что я не могу провести с ними двадцать четыре часа без ее консультаций? Меня снова охватывает негодование, и только сверхчеловеческое усилие помогает мне удержаться от какой-нибудь колкости.

Честно говоря, у меня были разведенные товарищи по команде, и я никогда не понимал, почему они все время жалуются на бывших. Но теперь я сам на их месте. И прямо сейчас я готов сражаться с Карой яростнее, чем наш силовик с теми, кто фолит нашего вратаря.

К счастью, она тут же уходит, и у меня будто гора падает с плеч. С Карой сложно. Она всем сердцем любит детей, я знаю, но ведет себя как мать-одиночка. Когда речь идет о девочках, мне не дадут сказать и слова. Ни одного.

У Элизабет в последнее время несварение.

Элизабет. Я произношу полное имя Либби про себя и чувствую, как по телу проходит последняя волна злости. Кара, черт подери, даже не спросила моего мнения, когда выбирала детям имена. После родов она только сообщила мне, что назовет их в честь своих прапрабабушек – Джун и Элизабет. Права вето никто мне не дал.

И вот еще. Что мне теперь готовить на завтрак? Я пообещал близняшкам вафли, когда мы разговаривали по телефону. Вафли – наш ритуал. Мы и так видимся с ними слишком редко. Нельзя его нарушать.

Я глубоко втягиваю воздух, снова хватаюсь за телефон и открываю приложение «По пути». В строке темы я печатаю: «SOS! ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ ЗА ЗАВТРАКОМ! ПОМОГИТЕ!»

Надеюсь, она испугается и тут же мне ответит. В самом сообщении я снижаю накал.

Снайпер87:

«Хэй, ХТЭ! Ко мне привели детей и сообщили, что глютен – воплощение зла. Нужна безглютеновая смесь для вафель – и побыстрее. Помогите, прошу»

Я не жду, что она ответит на мой клич сама. То есть я уверен, ей есть чем заняться, вместо того чтобы разбираться с самыми незначительными происшествиями клиентов. Но, к моему удивлению, в чате появляется ник ХТЭ.

ХТЭ:

«О боже! У кого-то целиакия?[12 - Генетически предрасположенная непереносимость глютена.]»

Снайпер87:

«Очень сомневаюсь. Моя жена спит и видит, чем бы усложнить себе жизнь»

ХТЭ:

«Поняла. Отправлю кого-нибудь с вафельной смесью без глютена как можно быстрее»

Снайпер87:

«Серьезно? Ты вытащишь меня из штрафников?»

ХТЭ:

«Доставай свою вафельницу, Снайпер»

- Папуля! - Джун оказывается рядом и тянет меня за штанину. - Я проголодалась.

- И я! - подхватывает Либби, и вот уже две пары серых глаз смотрят на меня с осуждением.

- Уже работаю над этим, - заверяю я их. - Что вы думаете насчет апельсинового сока для разогрева?

- Мне фруктовый пунш, - заказывает Джун.

- И мороженое! - Либби скармливает мне ангельскую улыбку и добавляет: - Я скучала по тебе, папуля.

Я прищуриваю глаза.

– Перестань манипулировать своим стариком, Элизабет. Ты не получишь мороженое на завтрак.

– Что значит мулипулировать? – спрашивает Джун.

– Это значит, что вы с сестрой хотите обманом заставить меня вредить вашим животикам. – Я разворачиваюсь к холодильнику и заглядываю внутрь. – Тебе повезло. У нас заваялся фруктовый пунш. – Я всегда добавляю этот пункт в свой продуктовый заказ, потому что мой жучок любит его больше всего.

Знаете что еще? Он органический. Так-то, Кара! Я мысленно показываю ей средний палец и достаю пару пластиковых кружек из шкафчика. Руфус, скотина, а не пес, в этот момент влетает в кухню и проносится у меня между ног – конечно же, я теряю равновесие. Как итог, фруктовый пунш заливает мое светло-серое худи. Великолепно.

– БУАХАХАХАХА! – близняшки заливаются смехом и начинают тыкать в меня своими пухленькими пальчиками. – Папа! Ты весь фиолетовый! – Джун в полном восторге.

– Не смейтесь над отцом, маленькие монстры. – С хрипом я стягиваю с себя промокшее худи в фиолетовых разводах и забрасываю его на спинку кухонного стула. Сок пропитался даже через ткань, потому что грудь у меня тоже мокрая. Я опускаю взгляд. Ага, фиолетовые пятна слева. Вдвойне великолепно.

Я хватаю кухонное полотенце и быстро вытираю жидкость со стола и с пола. Потом наливаю детям по стакану, усаживаю девочек на стулья и наблюдаю за тем, как довольны они потягивают свой сок.

Подумать только, как легко угодить моим детям. Дайте им немного фруктового пунша, и они будут улыбаться так, будто наступило Рождество. Хотя, как только их маленькие животики начинают бурчать и они понимают, что вафли все еще не готовы, их хорошее настроение оказывается под угрозой.

Я достаю вафельницу и сковородку, чтобы поджарить им сосисок. Я очень надеюсь, что Красотка вскоре придет на выручку. Клянусь, судя по тому, какие чудеса она творит, эта женщина святая.

И она не подводит – не проходит и пятнадцати минут после моего зова о помощи, как мне звонят из вестибюля и сообщают о доставке из «По пути».

– Слушай, Томми? А заказ мне, случайно, доставила не та же женщина, которая выгуливала собаку?

– Да, это она.

– Сделаешь мне одолжение? Узнай ее имя.

Я жду, пока Томми с ней переговорит, и чувствую, как по мой шее пробегает разряд тока.

– Ее зовут Хейли Тэйлор Эмери, – отвечает Томми через минуту.

Хейли Тэйлор Эмери? Совсем как Х...Т...Э? Красотка стоит у меня в вестибюле?

– Попроси ее подняться, – выпаливаю я в трубку.

– Но она попросила, чтобы дежурный доставил заказ...

– Нет, – обрываю я его. – Скажи ей, что я приму посылку только из ее рук. – Господи, что со мной не так? Зачем я пристаю к бедной женщине?

Томми молчит какое-то время, но потом сообщает:

– Она сейчас поднимется.

Просто расслабься

Хейли

– Мисс Эмери?

– Да? – Я не понимаю, к чему эта задержка. Особенно учитывая, что я рванула к двери быстрее, чем вы могли бы сказать «моя-подруга-до-смерти-застыдила-меня-вчера-вечером». Но я оборачиваюсь, когда швейцар зовет меня.

В его глазах читается удивление.

– Мистер Эриксон просит вас лично доставить ему посылку. Иначе он ее не примет.

Я даже не сдерживаю свой тяжелый вздох. Почему сейчас? Благодаря ноябрьскому ветру мои волосы сейчас напоминают гнездо.

Швейцар протягивает мне пакет, и я забираю его обратно. Теперь я шагаю к лифтам и слышу за спиной: «Она сейчас поднимется».

Знаете это чувство, когда желудок словно проваливается вниз, стоит лифту начать движение? За этим следует волна неподдельной паники. У меня начинают потеть ладони, и пакет из «Хоул Фудз» едва не выскальзывает из рук.

Я вот-вот столкнусь лицом к лицу с Мэттом Эриксоном, мужчиной, от которого была без ума с колледжа, с тех пор, как впервые увидела игру Национальной хоккейной лиги.

Когда лифт со звоном приезжает на нужный этаж, меня всю бросает в дрожь. Я выхожу из кабинки и продвигаюсь на пару шагов ближе к его двери. Внутри раздаются голоса – высокое хихиканье его дочерей и приветливый «гав» Руфуса.

Ладно, Хейли. Просто расслабься.

Я подношу кулак к двери, чтобы постучать, но та распахивается, и мне остается только неуклюже опустить руку. Передо мной стоит маленькая девочка.

- Привет! Ты принесла вафли? Папочка постоянно все заказывает.

- Неправда! – спорит мужской голос, и от его низкого тембра я чувствую покалывание по всему позвоночнику. – Кто здесь готовит лучшие в мире сосиски?

- Мамочка говорит, что в сосисках слишком много натрия, – доносится еще один тонкий голосок из квартиры. – Что такое натрий?

- Это... Либби? Ты открыла дверь?

Я просто стою у двери, как истукан, и пытаюсь понять, что к чему. И в этот момент в проходе появляется мужчина.

Большой мужчина. С широкой покатой грудью. Завораживающее зрелище. И пресс, как древняя стиральная доска моей прапрабабушки. Срань господня.

- Красотка? – Я слышу чей-то озорной голос.

- А? – Мне наконец-то удастся оторвать глаза от самого восхитительного живота из всех, которые я когда-либо видела, и поднять их вверх. И в то же мгновение я встречаюсь с его спокойным, внимательным взглядом. На меня снова напал мистер Фриз, и я превратилась в статую девушки-курьера.

- Я правильно понял? ХТЭ значит «красотка»?

Его странный вопрос слегка сбил мое оцепенение.

- Н-нет, – заикаюсь я. – Хейли Тэйлор Эмери.

- Приятно познакомиться, Хейли Тэйлор Эмери. – Он протягивает мне руку для пожатия, и мне удается ее схватить. Его теплая и сухая ладонь сводит с ума. Мэтт Эриксон держит меня за руку. Этой рукой он забил тридцать два гола в прошлом году. А еще эта рука принадлежит телу, которое участвует в моих самых грязных фантазиях.

И здесь я понимаю, как неловко уцепилась за его кисть. Поэтому я шарахнулась от нее, как будто это не рука вовсе, а какой-нибудь электрический забор.

И тут меня замечает Руфус. Вот он гавкает от радости, и вот уже он мчится ко мне, скрежеща когтями по паркету. По дороге он сбивает с ног четырехлетнюю крошку, как шар для боулинга сбивает кегли. Он весь трясется от нетерпения, когда влетает в коридор.

От похотливых мыслей мой мозг словно в тумане, и я не оказываю Руфусу должного внимания. Поэтому пес вынужден брать ситуацию в свои лапы. Он становится на задние лапы, а передние опускает мне на бедра. Этого веса достаточно, чтобы меня завалить. Или это просто моя голова закружилась от близости Мэтта Эриксона. Так или иначе, я теряю равновесие, и мы вместе с Руфусом валимся на мягкое ковровое покрытие.

– Ух, – вылетает у меня, и Руфус начинает вылизывать мое лицо.

– Господи, – вздыхает Мэтт. – Руф, фу. Оставь бедную девушку в покое. – Он оттаскивает пса назад. – Ты в порядке?

Я бормочу свое невнятное «да». Оно, скорее, похоже на «дэм», потому что теперь он склоняется надо мной всей своей божественной красотой, и я больше не вижу ничего, кроме его груди. Вижу, как легкая россыпь темных волос сгущается у его пупка и дорожкой уходит вниз, под его спортивные штаны с низкой талией.

Я просто пялюсь на него.

Приходится закрыть глаза и перекатиться на бок, чтобы подняться на ноги. Щеки горят от стыда. Руфус снова понесся куда-то, вероятно, за своим поводком.

– Папуля? – говорит девочка, которая открывала мне дверь. – Мы теперь поедем вафель? Я проголодалась, – взывает она и тянет папу за руку.

– Вот. – Я поднимаю пакет со смесью для вафель с пола и протягиваю ему. Мне нужно убраться отсюда и отдышаться минутку, или, еще лучше, годик. А потом я

просто найду новую работу где-нибудь еще. Предположительно подальше от Мэтта Эриксона. Ну, на Таити, думаю, будет почти достаточно далеко.

Он забирает пакет. Потом наклоняется и берет дочку на руки. Она обнимает его за шею и кладет свою мягкую щечку на его голое плечо.

Чпок, чпок! С таким звуком лопаются фолликулы в моих яичниках.

– Спасибо, – громко говорит он. – Прости, здесь беспорядок. – Затем он улыбается, и мое IQ падает еще на пять баллов. – Как тебе вчерашняя игра?

– Было бесподобно, – говорю я честно. С той секунды, как я ступила на порог, это первое предложение, которое мне удалось родить. – Игра в нападении во втором периоде далась вам отлично. Она неплохо поспособствовала победе.

Когда его глаза от удивления становятся все шире, я понимаю, что мой внутренний хоккейный задрот изобрел совершенно новый способ меня опозорить.

– Неважно. Я побегу, если тебе больше ничего не нужно. – Например, мое голое тело в постели. Из-за того, что я стою так близко к этому мужчине, мне в голову лезут самые не-Хейли-подобные мысли.

– Мне предстоит еще одна короткая поездка, – говорит он, поглаживая дочку по спине. – Когда я уеду надолго, я отправлю Руфуса на собачье ранчо. Но если бы ты могла выгулять его вечером в воскресенье и утром в этот понедельник, я был бы очень благодарен.

– Без проблем. – Я сделаю все, о чем он меня попросит. Грустно, но это так. – В воскресенье у меня должно быть время... – Я пытаюсь наскрести парочку клеток мозга и впрячь их в работу, но это сложно сделать, глядя на его слегка заросший подбородок. Руки так и тянутся к его лицу, так и хочется коснуться этой жесткой щетины и пальцами ощутить ее. – Около сексти тридцати или семи.

В уголки его глаз сбегаются морщинки, и я мысленно перематываю то, что только что сказала.

– Шести тридцати или семи, – исправляюсь я. Отмена, отмена! Мне надо валить отсюда к чертовой матери. Этому мужчине нужно накормить своих голодных детей, а я тут почти истекаю слюной на его входном коврике. Я хуже Руфуса. – Пора идти. Приятно было поболтать, – заикаюсь я и пячусь к лифтам.

– До скорого, Хейли, – кричит он, пока я тороплюсь нажать кнопку лифта.

– Пока! – Мне удается попрощаться, и я наконец-то слышу замечательный звук закрывающейся двери. Я вся потная и еле дышу от напряжения – не так-то просто держать себя в руках рядом с самым горячим хоккеистом в мире. Я делаю шаг в лифт, и мой телефон сигнализирует о новом сообщении.

Мне страшно смотреть, но я решаюсь и вижу, что это всего лишь Дженни.

«И как? – она требует ответа. – Ты принесла этому мужчине безглютеновые вафли? Ты пригласила/заглянула на завтрак и быстрый секс?»

«Это просто смешно, – отвечаю я. – Ты могла бы подыскать мне вакансии на Таити?»

Следующие два дня тянутся медленно. Я живу, стараясь не вспоминать о своей позорной встрече с ослепительным Богом Хоккея. Расслабиться не так-то просто. Очевидно, развод что-то подпортил у меня в голове, и теперь моей уверенности в себе конец – прошлая Хейли без труда флиртвала с милыми мужчинами. Хотя весь мой флирт был совершенно невинным, потому что я была замужем полжизни.

И я не думаю, что совет Дженни снова вылезти из норки и начать ходить на свидания плох. Но начинать нужно с малого, с парнем, который не превращает меня в пустоголовую мямлю.

И забыть о неуклюжей встрече будет непросто, потому что мне предстоит вернуться на место преступления. В воскресенье вечером я иду на прогулку

с Руфусом, и меня бросает в пот, стоит лифту остановиться на третьем этаже.

Конечно, дома нет никого, кроме собаки. И она по-прежнему меня любит. Я чешу ее за ушами и пытаюсь не думать о том дне, когда я стояла здесь в проходе и теряла разум.

ТЬфу.

Мы отлично проводим время с Руфусом, и я веду его домой. Наверное, еще одна прогулка – это и все, что мне осталось. Мэтт упомянул какое-то собачье ранчо, куда он отправит Руфуса на время турне.

В понедельник меня настигает еще одна неловкость. До сих пор я успешно избегала Джексона, но удача тоже когда-то заканчивается.

– Есть минутка? – окликает он меня, пока я мчусь к выходу в разгар утра.

Проклятье.

– Конечно, – лгу я. Мне нужно выгулять Руфуса, но поскольку я не хочу посвящать Джексона в эти дела, мне остается только пройти за ним в кабинет и сесть за стол.

– Как ты поживаешь? – спрашивает он с улыбкой на узком лице. Я не могу перестать сравнивать его с моим хоккейным идиолом, и это, очевидно, нечестная борьба. У Джексона есть свои тараканы, но он отличный парень. Я чувствую себя виноватой, когда замечаю, насколько тощей кажется его шея, обтянутая аккуратным воротником рубашки.

– Я в порядке, – снова ложь. – А ты?

Он вновь улыбается, и я понимаю, за что всегда его любила. От него исходит доброта, как жар от солнца в полдень.

– Не жалуюсь. Как проходит обновление мобильного приложения?

– Совсем неплохо. Ожидаем готовую бета-версию к Рождеству. Завод-подрядчик наконец-то повелся на ультиматум.

Джексон морщится.

– Я рад, что они не бросили нас.

– Я знала, что они этого не сделают. – Поэтому именно я и работаю с программистами. Джекс умный паршивец, но он не умеет играть по-жесткому. Поэтому я держу его в курсе всех событий, а он подсказывает, за чем еще нужно будет проследить.

– Спасибо, что разбираешься со всем этим, – говорит он и поправляет карандаш так, чтобы тот лежал ровно вдоль его журнала. – Нужно будет, чтобы проверенные клиенты протестировали эту версию. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Он прав, я до сих пор об этом не позаботилась. Может, потому что у меня на уме только один-единственный клиент.

– Отлично подметил. Этим и займусь. – Не смотреть на часы, оказывается, то еще испытание. Но я не могу сказать Джексону, куда иду, потому что это нарушает политику компании.

Но Джексон не торопится и показывает мне некоторые фотографии праздничных товаров, которые он сделал для рекламы.

– Думаю, я угадал с подарочной упаковкой, – говорит он, указывая на чудную фотографию коробки, упакованной в белую бумагу и перевязанной серебряной лентой. – Мы дадим клиентам выбрать цвет ленточки под праздник. Я заказал голубые, красные и серебряные.

– Красиво, – говорю я. – Тогда я добавлю эти цвета в раздел подарочной упаковки. – Я достаю телефон из кармана и пишу себе записку. Джексон – творческая часть нашего тандема. Пока я заведу техническими аспектами бизнеса, он делает дизайн нашего сайта, наш брендинг, и общается с клиентами.

Это он предложил поместить мою фотографию на страницу нашего сайта. Этому снимку уже пять лет – мы сделали его, когда еще не могли нанять профессионального фотографа. Это он предложил мне взять красный карандаш в зубы, красный – под цвет нашего логотипа.

– Что-нибудь еще? – спрашиваю я и надеюсь услышать нет.

Мой бывший склоняет голову набок и задумчиво присматривается ко мне.

– Мой отец убедил меня посмотреть одно помещение в районе Бридл-Пас. Для нашего расширения.

И в эту секунду все мои внутренности сжимаются в твердый комок.

– Но я не уверен, что мы к этому готовы, да? – спрашивает Джексон. – Не раньше, чем запустим новое приложение.

– Да... – Я понимаю, что он недоговаривает. – Но, э, я знаю, что ты хочешь расширяться.

Он едва заметно морщится.

– Расширение поможет нам добиться лучших результатов. Но нам нужно быть полностью готовыми. Прямо сейчас мы наконец-то подходим к той точке, когда можно слегка выдохнуть. Ради расширения нам снова пришлось бы попотеть.

– Хм-м, – мычу я, чтобы дать себе время понять, к чему он ведет. – Если нужно потеть, я буду потеть. – Я не дам слабину! Если он хочет, чтобы я ушла из компании, пусть скажет мне это в лицо.

– Я подумаю об этом, – вот и все, что он говорит.

– Хорошо, – отвечаю я и вскакиваю со стула. – Что-нибудь еще?

Не сразу, но он качает головой.

– До скорого! – Я напускаю на себя радостный вид и мчусь к выходу. И хотя я знаю, что Джексон не станет гнаться за мной по улице, всю дорогу до дома Мэтта я преодолеваю трусцой. (Не странно ли, что у меня в голове мы уже давно зовем друг друга по имени?)

Этим утром Руфус так же счастлив меня видеть. Я веду его в ближайший парк с площадкой для собак и отпускаю поводок. Мы уже хорошо знакомы, и я знаю, что он вернется по первому зову, поэтому не боюсь, что мне придется гоняться за ним по всему полю, чтобы увести домой.

К тому же по пути в офис я купила ему собачий деликатес, на случай, если мы больше не увидимся.

Пока он нюхает попки и общается с другими собаками в парке, я помогаю Диону решать проблемы в офисе. Вскоре я понимаю, что потеряла счет времени и мои руки уже отмерзли.

– Пойдем, Руф! – зову я. – Пора! Хочешь печеньку?

При виде угощенья он летит ко мне, и, когда начинает хрустеть им, я цепляю поводок к его ошейнику. Затем мы резво добираемся до Йорквилл-авеню, и я напеваю себе что-то под нос, открывая дверь в квартиру Мэтта.

– Сядь, – командую я Руфусу в прихожей. – Хороший мальчик. – Я опускаюсь на колени, он смотрит мне в глаза и тут же начинает вилять хвостом. – Да, ты очень красивый мальчик.

На этом я целую его в нос. Потом отцепляю поводок, но он не перестает махать хвостом – видимо, пытается выяснить, остались ли у меня вкусняшки. Мои руки, конечно же, пахнут собачьими галетами.

– Прости, парень. Я уже все тебе отдала.

– Правда? – спрашивает низкий голос, и я чуть не умираю от страха.

Мое сердце сжимается от удивления, когда я резко оборачиваюсь и вижу Мэтта Эриксона у кухонного стола. Он стоит и довольно улыбается.

Ночь покера

Мэтт

От неожиданности Красотка чуть не упала, и мне теперь неловко, что я ее напугал. Кажется, у нее не очень хорошо с равновесием. Но даже в таком шатком состоянии она – лучшее, что я видел за последние дни. На ней обтягивающие джинсы и голубое зимнее пальто под цвет глаз. Кончик ее носа покраснел на холоде, и во мне рождается самое дурацкое желание поцеловать его. А нос у нее действительно очаровательный, и крошечная серьга в нем почему-то очень возбуждает. Честно говоря, меня никогда не привлекали панкерши, но к этой девочке меня точно влечет.

Руфус очнулся первым. Он, как подобает хорошему мальчику, подбегает поздороваться, а потом снова возвращается к Красотке. Предатель. Он уже может дать мне фору. Красотка его целовала.

Мне не досталось ничего. Я впервые завидую своей собаке.

– Ты рано приехал, – говорит Красотка и начинает подниматься на ноги.

– Да, – соглашаюсь я. – Наш благотворительный обед отменили, и мы смогли прилететь на два часа раньше, чем планировали.

– Поняла. Что ж... – Она тянется к двери.

– Эй. Не так быстро, – жалуясь я. – Я только поставил чайник на плиту. Выпьешь чашечку со мной?

У нее глаза загнанного зверя, и я стараюсь не улыбаться. Моя Красотка фанатеет по хоккею. И это очевидно, потому что при виде меня она сама не своя. Иногда такое случается. Даже совершенно здравомыслящие люди порой теряют рассудок в обществе хоккеистов. Я знаю об этом не понаслышке, потому что однажды неправильно назвал свое имя, когда просил Уэйна Гретцки подписать

мне джерси. Сейчас она, кстати, висит у меня на стене.

– Я бы не отказалась от кофе, – говорит она почти обыденным голосом.

– Превосходно. Какой ты пьешь?

– Черный, – отвечает она, и ее плечи расслабляются еще немного. – Спасибо.

– Присаживайся. – Я рукой указываю на диван. – Можешь снять пальто.

Я разворачиваюсь обратно к плите, чтобы организовать нам по чашке кофе. Когда все готово и я возвращаюсь к дивану, передо мной предстает блаженная картина: голова Руфуса покоится на коленях Красотки, пока она чешет его пузо.

Я ставлю чашки на стол, и Красотка встречается со мной взглядом.

– Спасибо тебе большое.

– Вообще-то... – Я отпиваю кофе. – Именно это я хотел сказать тебе. Ты очень меня выручаешь, Хейли. Не буду скрывать, у меня выдался дерьмовый год.

Она вздрагивает.

– Ты имеешь в виду развод?

– Ага. Не я это решил. Но я съехал, когда меня попросили, потому что не хотел тормозить девочек переездами. И знаешь, оказалось, что обустройства дома никогда не было у меня в планах. Это так взбесило. Но ты взяла на себя всю работу, и мне не пришлось тратить силы на разные мелочи. Я очень это ценю. – Я окидываю взглядом все те изящные вещи, которые выбрала Красотка. – Это место выглядит прекрасно.

Она наградила меня улыбкой за откровенность. Ее лицо правда просветлело, и голубые глаза теперь выглядят живыми.

– Всегда пожалуйста. Я хорошо тебя понимаю.

- Правда?

Она кивает, и краски лица приглушаются.

- Я тоже недавно развелась. Примерно в то же время, что и ты, - около полутора лет назад. И это тоже не я предложила.

- Ой, - только и произношу я, а в груди тем временем все сжимается. Я пытаюсь представить, как кто-то говорит Красотке съехать, и меня накрывает злостью за нее. - Мне жаль, Красотка. То есть Хейли. - Черт.

К счастью, она отвечает смехом.

- Как хорошо, что мои инициалы не Т.Ф.У.

Теперь и я смеюсь вместе с ней.

- Или Б.У.Э.

Она хихикает.

- У нас есть сотрудник с инициалами Д.Р.Т. Мы называем его Темным Лордом.

Я все еще слегка посмеиваюсь и поднимаю чашку, чтобы хлебнуть еще кофе. Я глотаю и замечаю, как пристально Хейли смотрит на мою шею. Потом она замечает, что я это замечаю, и ее щеки вспыхивают румянцем. Да, она точно нервничает рядом со мной.

- Так, эм. У тебя очень милые дочки, - говорит она секунду спустя. - Полагаю, у вас с женой совместная опека.

- Если бы. Я вижу их не так часто, как хотелось бы, - признаю я. - Знаешь, график разездов хоккейной команды - та еще подстава.

Она сочувственно кивает.

- Должно быть, тяжело.

- Да. Так и есть. - Я опускаю чашку на стол и облокачиваюсь на диванные подушки. Руфус лежит между нами, и я рассеянно тянусь к его животу, чтобы погладить. Но вот только Хейли до сих пор почесывает его, и мои пальцы случайно скользят по ее, когда должны бы гладить пса.

Ее дыхание замирает. Потом она отдергивает руку, будто пузо Руфуса - или, может, моя рука - покрыто вшами. Или, может, это из-за легкого разряда статического электричества, который пробежал по нашим пальцам.

Теперь она и вовсе покраснелась, и мне остается умиляться тому, как отчаянно она вцепилась в кружку.

- Уверена, они скучают по тебе, - говорит она смущенно. - Твои дочери.

Мое сердце пронзает боль, когда я вспоминаю, как глазки Джун блестели слезами, когда пора было уезжать с мамой. Джун всегда была сентиментальнее Либби. Ей ничего не стоит расплакаться на ровном месте. Либби же более сдержанная. Ну, то есть для четырехлетней. Она все еще иногда закатывает истерики, но чаще всего лучше прячет эмоции, чем сестра.

- Я тоже по ним скучаю, - бросаю я. А потом сглатываю слюну и меняю тему: - А что насчет тебя? У вас с бывшим есть дети?

Хейли качает головой.

- Мы были слишком заняты своим бизнесом. Мы планировали однажды завести детей, но подходящее время все никак не наступало.

- Вашим бизнесом? - вторю я. - Ты о «По пути»?

- Да. Мы с Джексоном совместно управляем компанией.

Я не могу сдержать удивления.

- Ты работаешь со своим бывшим?

Боже, да это примерно так же тяжело, как видеть своих детей лишь изредка. Я бы не вынес ежедневных встреч с Карой в офисе.

– Вообще-то мы хорошие друзья, – признается Хейли. Ее голубые глаза смягчаются, и я замечаю в них отблеск печали. – Мы дружим с шести лет.

– О, ничего себе. Ты так давно с ним знакома?

Она кивает.

– Мы жили по соседству. Вместе росли, начали встречаться в подростковом возрасте, поженились в колледже. – Пауза. – Развелись в двадцать семь.

– Мне жаль. – Мне даже почти неловко, что я пригласил ее остаться на кофе. Я хотел сказать ей спасибо и немного познакомиться, но каким-то образом наша беседа завернула в серьезное, почти личное русло. Поэтому я снова меняю тему: – Тебе двадцать восемь, да? Выглядишь на пятнадцать. – Я морщусь. – Нет, ты этого не слышала. Выглядишь на восемнадцать, на возраст согласия. Иначе мне нельзя и дальше называть тебя Красоткой.

Хейли рассмеялась таким сладким, мелодичным смехом, что мои уши расцвели.

– На самом деле мне двадцать девять. И да, я выгляжу молодо. Это проклятье.

Я хмыкаю.

– Seriously, – настаивает она. – Меня все еще просят показать паспорт, когда я хожу на фильмы 18+.

– Считай это комплиментом, – советую я. – Ты поймешь, что это дар божий, когда в шестьдесят тебя все будут путать с тридцатилетней.

– И то правда.

Комната впадает в тишину. Руфус мирно храпит между нами. Хейли потягивает остатки своего кофе, и я понимаю, что скоро она неминуемо уйдет. Думаю, она

выбежит отсюда на всех парах, как только закончится кофе. И если я собираюсь позвать ее на свидание, то сейчас – самое время.

Позвать ее на свидание?

Черт, откуда вообще эти мысли? Я хочу позвать ее на свидание?

Еще пару секунд я обдумываю эту мысль. Да, думаю, да. Правда, после развода я не бывал на свиданиях. Наряжаться, ужинать в ресторане, проводить весь вечер с женщиной и при этом не ждать секса? Такого у меня не было уже очень, очень много лет.

К сожалению, я обдумываю это все так долго, что упускаю момент. Хейли уже поставила чашку на стол и встает с дивана.

– Мне пора, – говорит она, и в ее голосе слышится одновременно нежелание и нетерпение. Кажется, она мечтает остаться и так же сильно мечтает сбежать.

Она выбирает второе и уже движется к выходу.

– Подожди, я провожу тебя, – говорю я.

– Тогда, кажется, ты хочешь, чтобы я и дальше выгуливала Руфуса, поэтому дай мне свой график на неделю, и я внесу себе в календарь. – Она снова лепечет и уводит взгляд от меня. – Мы договоримся обо всем через приложение, и я смогу сообщать тебе о новостях, и спасибо за кофе и беседу. Было правда очень приятно. Хорошего дня, Мат – то есть Мэтт! Еще споемся. Пока!

Я даже не успеваю моргнуть, как она уже скрылась за дверью и оставила меня в недоумении: она только что назвала меня Матом?

Раз уж я сегодня не играю и девочки ушли к маме, я не колеблюсь, когда Блейк Райли звонит мне и приглашает к себе играть в покер.

– Кто еще будет? – спрашиваю я и зажимаю телефон между ухом и плечом, чтобы быстро сменить свои спортивные штаны на потертые джинсы.

– Уэсми, Хевитт и Лемминг, – говорит Блейк. – Я рассчитывал еще и на Люко, но у него сваты в городе. А жаль, потому что это, знаешь ли, легкие деньги.

И я, конечно, знаю. Потому что покер-фейс нашего капитана – это как окно без штор: видишь все насквозь.

– Буду через полчаса, – обещаю я. – Нужно что-то захватить по пути?

– Только свой прелестный зад... – Здесь Блейк внезапно вскрикивает. – Да что за... Крошка Джей! Было больно!

Я слышу приглушенный женский голос на фоне. Это Джесс, девушка Блейка.

– Ее прелестный зад? – спрашивает голос. – С кем ты говоришь?!

Потом мне в ухо раздается громкий гогот.

– С Эриксоном! – кричит Блейк в истерике. – Я говорил о прелестном заде Эриксона!

– У меня и правда прелестный зад, – соглашаюсь я. – Передай Джесс, что я с радостью покажу ей, когда приеду.

– Конечно, передам, – весело отвечает Блейк. – Сразу после того, как отрежу твои яйца и скормлю их овцам.

Овцам?

Я даже не успеваю переспросить, потому что товарищ уже продолжает:

– Увидимся через минуту по нью-йоркскому времени! – И вешает трубку.

Блейк – гребаный чудила. Я не понимаю и половины той чуши, что он несет. И, разумеется, я думаю, никто не понимает, в том числе его девушка.

Я натягиваю худи поверх футболки и иду искать пальто. В этой квартире нет шкафа в прихожей, поэтому я просто закидываю его куда придется и тут же забываю. В конце концов я нахожу пальто на кухонном стуле, накидываю его сверху и надеваю шапку по дороге к двери.

Блейк живет у озера, и туда слишком долго идти пешком, особенно сейчас, когда погода к нам неблагосклонна. Я вырос в Тампе, поэтому к канадским зимам мне в свое время пришлось привыкать. И я все еще не могу сказать, что вошел во вкус. Прохлада ледовой арены – да, освежает. Канадские зимы? В жопу их. Поэтому я иду к лифту и спускаюсь на подземную парковку, залезаю в свой «Порше Кайен» и включаю подогрев сиденья.

Получасом позже я вхожу в квартиру Блейка и вижу, что вся команда уже в сборе. Уэс и Джейми живут в том же здании, одна поездка на лифте, и они уже здесь. Лемминг и Хевитт тоже обитают неподалеку.

– Йоу! Мэтти-кейк! – кричит Блейк из-за зеленого бархатного стола. – А кому-то сейчас надерут задницу. Готов?

Я скалюсь в его сторону. У него козырек на голове и зубочистка между губами, как у какого-нибудь прожженного картежника из старых фильмов.

– Может, мне стоило остаться дома, – сухо замечаю я.

Джейми Каннинг, который меня впустил, криво улыбается в ответ.

– Я подумал так же, как только увидел его в козырьке.

У Блейка, видимо, сверхчеловеческий слух, потому что он тут же вскрикивает:

– Что не так с моим козырьком? – При этом он, кажется, искренне уязвлен. – Ты что, не знаешь эту поговорку? Козырек на тебе, козырь в рукаве.

- Это не поговорка. - Уэс громко вздыхает из кухни. Он как раз вытаскивает пару бутылок пива из блестящего холодильника. - Пива, Эриксон?

- Да, не откажусь. - Я беру бутылку, которую он мне протянул, и иду к столу.

Бен Хевитт и Чед Лемминг, левый нападающий и защитник соответственно, приветственно кивают и хмыкают мне. Блейк перемешивает колоду карт, пока Уэс раздает цветные фишки.

- Где Джесс? - спрашиваю я хозяина.

- Внизу, у Уэсми. Она готовится к экзамену на медсестру и требует полной тишины. - Блейк машет головой. - Не понимаю ее. Она же может учиться в спальне, разве нет? Мне не кажется, что я шумный. Ребята, вам кажется, что я шумный?

- Братан, шумный - это не то слово, - сообщает ему Уэс. - Ты... - Он замолкает, чтобы подыскать подходящее слово.

- Ты человек с нестандартными звуковыми способностями, - подсказывает Лемминг.

Уэс выпячивает губы.

- И это тоже не выражает всего.

- Стеносотрясающий? - предлагает Джейми.

- Уже лучше.

- Тихо-недостаточный, - звучит вариант Хевитта.

- Да пошли вы все очень далеко, - ворчит Блейк.

- Эй, ты хотя бы не такой громкий, как твоя мама, - утешаю его я.

Джейми бледнеет.

– Уверен, одна из моих ушных перепонки навсегда вышла из строя из-за мамы Блейка.

– СЪЕШЬ ИХ ДЕТЕЙ, БЛЕЙКИ! – Уэс бесподобно подражает интонациям миссис Райли, и все начинают смеяться, в том числе сам Блейк.

– Ну же. – Хевитт тянется к горке фишек. – Хватит тянуть кота за яйца. Кэти ждет меня домой к десяти.

Лемминг цокает.

– Если ты хочешь сказать, что я под каблуком, то да, я абсолютно точно именно там. – Хевитт пожимает плечами. – И я чертовски этому рад. У меня потрясающая жена.

– Это правда, – я должен это признать. Кэти Хевитт дерзкая, пылкая и очень веселая. Мне всегда хотелось взять Кару на двойное свидание с Хевиттами, но Кэти казалась ей слишком «через край» – ее слова, не мои.

– Конечно же, она такая, – соглашается Лемминг, а потом срывается на ухмылку. – Но знаешь, что еще более потрясающе? Жизнь холостяка. В том баре, куда мы ходили с О.К. в Чикаго, я почувствовал себя, будто на шведском столе с цыпочками. Не вру.

– О.К.? – переспрашивает Джейми, пока Блейк раздает карты.

– Уилл О'Коннор, – поясняет Лемминг. – Мы подыскиваем друг другу какие-нибудь новые клички. Я хотел называть его Вилли, но получил за это в бок.

– А у тебя какая кличка? – спрашиваю я и всеми силами стараюсь не закатывать глаза. С тех пор, как Лемминг расстался с девушкой, он все время таскается за О'Коннором, так что даже на слово кобель смотришь по-другому.

Лемминг смотрит свои карты, а потом отвечает:

- Мадагаскар.

- Не догоняю, - говорит Уэс.

Я тоже. Я заглядываю в свои карты - королева и семерка, разной масти.

Блейк открывает третью карту, и я воодушевляюсь, теперь у меня королева, семерка и десятка. Отлично.

- Ну вы чего, потому что у меня фамилия Лемминг. На Мадагаскаре водится огромная популяция леммингов.

Джейми громко хрюкает.

- Вот и нет. Это лемуры, братан.

- Какие, на хрен, лемуры? Ты только что это слово придумал?

Джейми, Уэс и я начинаем покатываться со смеху.

- Оно не выдуманное.

Уэс икает.

- Это настоящее животное.

Лемминг кладет его карту рубашкой кверху и щурит глаза в сторону Уэса.

- Как оно выглядит? К какому семейству животных оно принадлежит?

Уэс на секунду теряется.

- Думаю, это примат.

Лемминг недоверчиво осматривает всех сидящих за столом.

- Вы, ушлепки, меня разыгрываете.

За этим следует еще один всплеск хриплого смеха. Потом Блейк прокашливается и театрально касается своего козырька.

- Мальчики. Прошу вас. У нас ведь покер.

- Угу, - мычит Лемминг. - У нас здесь покер, так что заткнитесь все.

- Я поднимаю до пяти, - объявляет Блейк.

- Уравниваю, - это Хевитт.

- Скидываю, - это Уэс.

- Принимаю твою ставку и поднимаю до десяти, - это Джейми.

- А ты транжира! - выкрикивает Блейк. - Наконец-то у нас здесь серьезный разговор!

Я уравниваю, и Лемминг делает то же самое, а затем Блейк раздает еще по карте - у меня еще одна десятка. Не слишком хорошо, но я еще жду королев и семерок. Следует еще один раунд торговли. В этот раз скидывают Лемминг и Блейк, и теперь я, Хевитт и Джейми будем разыгрывать победу. Блейк раздает ривер, и ни хрена себе. Еще одна королева. Фул-мать-его-хаус, крошка.

На следующем раунде торговли я иду ва-банк, на что Хевитт отвечает мне взглядом недоумения.

- Seriously, с первой же комбинации?

- Он блефует, - решает Джейми и пристально вглядывается в мое лицо.

Я скалюсь.

- Уверен?

– Да, точно блефует, – соглашается Блейк, но, очевидно, гора фишек на три сотни баксов посреди стола не по зубам Джейми и Хевитту. Они сбрасывают. Я довольно сгребаю свой выигрыш.

Несколько раздач спустя мы начинаем болтать обо всем и ни о чем. О предстоящем расписании. О команде юниоров, которых тренирует Джейми. О новом «Кадиллаке Эскалейд», который Хевитт купил жене. В конце концов наш разговор возвращается к эскападам Лемминга и «О.К.». Или, если точнее, к той групповухе, которой они предались после своего похода в чикагский бар.

– Подожди-ка, так ты отделявал одну цыпочку, О’Коннор – другую, и это просто происходило в одной комнате, – с любопытством спрашивает Уэс. – Или вы все, ну, знаешь, пересекались?

Лемминг хихикает.

– Без обид, Уэсми, но я не любитель членов. Так что нет, никаких пересечений между братанами. Но девочки не отказывали себе в удовольствии друг друга потрогать... – Он переводит взгляд на меня и играет бровями. – Тебе тоже стоило пойти, Эр. Мы отлично провели время.

Честно говоря, это прозвучало бы ужасно, поэтому я не стану говорить вслух. Но Леммингу позволительно веселиться. Он на шесть лет младше меня, и он все еще без ума от своего хоккейного образа жизни, которым и я наслаждался по полной, пока не встретил Кару.

Теперь я больше не хочу соблазнять девчонок на пару с товарищем. Мне больше по душе диснеевские фильмы с детьми или спортивные передачи перед сном. Или, может, ужин с определенной красоткой...

– Мэтти-кейк? – окликает меня Блейк.

Все ждут моего хода. Я сверяюсь с картами – семь и девять. Потом смотрю на стол – король, королева, король, десять, десять. На кону около пятисот баксов.

– Я пас, – объявляю я и хлопаю картами по столу.

– Так вот, – говорит Лемминг, снова пожирая меня взглядом. – Я тебя не понимаю, старик. Ты сейчас свободный. Пользуйся этим.

Я пожимаю плечами.

– Все эти интрижки не для меня. Пробовал, бросил.

Хевитт осторожно спрашивает:

– А если это были бы не просто интрижки?

Я хлопаю ресницами.

– О, Бен-Бен, ты сейчас говоришь, что хочешь «большого, чем просто интрижки» со мной? Ты в меня влюблен – я так и знал.

Он показывает мне средний палец.

– Нет, мудака, я говорю о свиданиях. Свидания с девушкой, знакомо?

Блейк серьезно кивает.

– Да, мы с Люко недавно говорили об этом...

– Эм, что? Почему моя команда обсуждает мою любовную жизнь?

– И он рассказывал, что сестра Эстреллы – настоящая ч-икс-уля. Чиксуля, слышишь?

– Нет такого слова. Ты имеешь в виду «чикуля»? – вставляет Джейми.

– О сестре Эстреллы правильнее сказать «чиксуля», – заявляет Блейк. – Я бы даже назвал ее ч-икс-икс-улей. Или даже с тремя «икс». Да, ч-икс-икс-икс-уля.

Я закатываю глаза.

- Ты когда-нибудь видел сестру Эстреллы?

- Нет, - многоречиво отвечает Блейки. - Но я доверяю глазам Люко.

- Ага. Ну, думаю, я пас, - любезно отказываюсь я. - Не могу встречаться с невесткой своего капитана. Вдруг я разобью ей сердце? Он же подвесит меня за яйца. - Я сомневаюсь, стоит ли продолжать. - Кроме того, я, эм... - Я резко замолкаю. Что, блин, со мной происходит? Я собирался рассказать им о Хейли? Это ночь покера, а не серия «Секса в большом городе».

Но Блейк тут же хватается за мои слова:

- Кроме того что? - требует он.

Я признаюсь:

- Есть кое-кто, в ком я мог бы быть заинтересован.

- Страсти накаляются! - кричит он и маниакально потирает ладошки. - Кто она?

- Она выгуливает мою собаку, - выдаю я.

Все начинают смеяться.

- Не шутишь? - спрашивает Джейми.

- И да, и нет. Она выгуливает Руфуса в любезность за то, что я такой хороший клиент. Она владеет одной крутой компанией, «По пути».

- О да! - говорит Лемминг, тасуя карты. - О.К. обращается к ним, когда ему нужно закупить продукты или забрать рубашки из чистки. Он показывал мне приложение. Там еще такая крошка на главной странице.

От раздражения я сжимаю челюсти. Как бы смехотворно это ни звучало, но то фото Красотки всегда казалось мне личным.

- Да, это оно.

- Как это работает? - спрашивает Уэс, а затем опустошает свой бокал пива.

- Ты платишь им за каждый час работы, - говорю я. - И они еще берут доплату за каждый товар, который приобретают для тебя. Но оно того стоит, поверь. Если летишь домой и понимаешь, что там тебя ждет пустой холодильник, а химчистка закрывается через час, можно предоставить все заботы им.

- Бум! - соглашается Блейк.

- Они отыщут тебе что угодно, - добавляю я. - Будь то подарок маме на день рождения или столик в ресторане - тебе только нужно внести пожелания в приложение, и готово. Вся обстановка в моей квартире - это они. Я даже близко к магазинам не подходил.

- Неплохо. - Уэс подталкивает Джейми локтем. - Это будто создано для меня. Нужно будет попробовать.

Джейми пожимает плечами. Но, кажется, я только что сделал хорошее дело для Красотки. Если вся команда начнет пользоваться ее сервисом, это поспособствует бизнесу.

- А спутницу в оперу они мне найдут? - спрашивает Лемминг. Он усердно выстраивает башню из своих фишек. - До нашего любимого благотворительного вечера всего десять дней.

Раздается всеобщее стенание. Игроки обязаны посещать восемь-десять событий в год, но все они разные. Опера - последняя в нашем списке любимчиков. Владельцу команды уже под девяносто, и он до усрачки любит оперы. И длится представление там три часа. Как минимум. Даже буфет и бухло по окончании не способны нас воодушевить.

- Есть идея, - говорит Блейк, не отрываясь от раздачи карт. - Будем играть этот раунд не на деньги. Победитель получит право притвориться больным в день оперы, а мы все поручимся, что он подхватил какой-нибудь пустяковый кишечный вирус.

Уэс поднимает свою карту.

– Мне нравится этот план.

А я просто радуюсь, что разговор отошел от Хейли. Друзья, кажется, забыли о моем маленьком признании, и это хорошо, потому что я еще не знаю, как быть со свиданиями. Карьера похерила мой брак, и работу я с тех пор не менял. Думаю, любые отношения в моей жизни изначально обречены.

– Кажется, здесь есть любитель оперы, – шутит Лемминг.

– Ты так говоришь, потому что я квир? – фыркает Уэс. – Так вот, ты ошибаешься.

– Бомба Джей? – спрашивает Блейк. – Как ты относишься к опере? – Он тянется губами к горлышку своей бутылки.

– Что ж, Блейк. Я бисексуал, поэтому люблю ее только в половину так же сильно, как Уэс.

– Не-а, сладенький, – спорит Уэс. – Это значит, что ты любишь ее в два раза больше.

Блейк так сильно смеется, что у него пиво идет носом, и мы все начинаем умирать со смеху.

У меня на руках отличные карты, но это даже не имеет особого значения.

– В конце концов, мы все пойдем в оперу, и ты это знаешь, – бурчу я. – Это ежегодный фестиваль жополизов, который волшебным образом совпадает с датой любимого мероприятия нашего владельца.

– Но не для меня! – с ухмылкой говорит Джейми, а потом толкает свои фишки к центру стола.

– О, ты уж точно пойдешь, – ворчит Уэс.

– У моих ребят игра тем вечером.

– Подожди-ка, – поднимает взгляд его муж. – Ты хотя бы знаешь, когда это намечается?

– Не-а. Но я очень занят.

Благослови, боже, ночи покера. Вечные перебранки и хлесткие ответы отвлекают меня от более сложных мыслей. Я беру еще одну бутылку пива и расслабляюсь вместе со своими парнями.

Снайпер87:

«SOS! У меня прохудился смокинг»

ХТЭ:

«Ты его плохо кормишь?»

Снайпер87:

«Боже, ты же понимаешь, он дырявый. Полон дырок»

Снайпер87:

«Гррр. Он мне нужен на следующей неделе для самого нудного благотворительного вечера на свете»

ХТЭ:

«Ладно. Арендовать или купить? Тебе, наверное, достаточно часто придется его носить?»

Снайпер87:

«Купить, думаю. Я надену его раз 8 за год. Можешь сделать этот свой фокус, чтобы он появился?»

ХТЭ:

«Я совершенно точно тебе помогу. Но это сложнее, чем со смесью для вафель. Тебе придется его примерить. И если ты собираешься часто его носить, недостаточно будет просто подштопать манжеты, как это делают на свадьбу. Придется идти к портному на примерку»

Снайпер87:

«Фырк-фырк»

ХТЭ:

«Мессенджер ни в чем не виноват, пощади его. Я могу найти магазин с большим выбором готовых смокингов и договориться о примерке. Как тебе такое?»

Снайпер87:

«Отлично. Сейчас сверюсь с календарем»

ХТЭ:

«Не торопись. Я тут просто сижу и ем конфеты»

Снайпер87:

«Правда?»

ХТЭ:

«Нет. Поторопись. Сегодня на работе безумный день. Наверное, полнолуние»

ХТЭ:

«*Постукивает пальцами по столу.* *Ждем Снайпера.* *Задумывается, как ему удастся так быстро бегать на коньках, а на то, чтобы глянуть в календарь, уходит 80 лет*»

Снайпер87:

«Ты со всеми клиентами такая нетерпеливая? Я мог бы сходить на примерку завтра утром, после тренировки. В 12:30, чтобы наверняка. Или в пятницу, в это же время».

ХТЭ:

«Когда у тебя этот вечер? Нужно будет сообщить им, что это срочно»

Снайпер87:

«В следующую пятницу. К сожалению»

ХТЭ:

«Кто здесь сегодня ворчун? Кстати, тебе не кажется, что мужчины в смокингах напоминают пингвинов? Ладно, пойду искать тебе этот пингвиний костюм. Но не костюм тех пингвинов из Питтсбурга, конечно» [13 - Речь идет о профессиональном хоккейном клубе «Питтсбург Пингвинз» (Питтсбург, штат Пенсильвания, США).]

Снайпер87:

«Уж надеюсь»

ХТЭ:

«Еще бы. Кучка неудачников. Кого вообще впечатляет этот Кубок Стэнли? До скорого, Снайпс»

ХТЭ:

«У Клиngerмана, завтра в 12:30. Прикрепляю адрес на Янг-стрит. Я также отправила им твои мерки, чтобы они сняли что-нибудь подходящее с вешалок. Они спрашивают, нужно ли тебе еще что-нибудь примерить заодно. Костюмы?»

Снайпер87:

«Ненавижу что-либо примерять. Как бы мне хотелось, чтобы вещи просто появлялись у меня в шкафу»

ХТЭ:

«А я хочу голубого пони. Тебе нужно еще что-нибудь, пока ты будешь стоять там перед портным в своих семейных трусах?»

Снайпер87:

«Я любитель трусов-шорт. Кому, как не тебе, знать. Ты мне их покупаешь»

ХТЭ:

«*бьется головой о клавиатуру*»

Снайпер87:

«Думаю, мне мог бы пригодиться еще один костюм. Мой в тонкую полоску тоже поистрепался, а я уже два года не выбирался в магазин. В последний раз Кара меня просто заставила»

ХТЭ:

«Я им передам. Удачи завтра

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

8 дюймов = 20,32 см.

2

«Черная карта», или карта «Центурион» – самая дорогая кредитная карта компании «Американ Экспресс», которая предоставляет клиентам ряд уникальных привилегий.

3

Непереводимая игра слов. В оригинале прозвище героя – Matty-cake, что отсылает нас к известному в Америке десерту mud cake (влажный шоколадный пирог).

4

В оригинале инициалы Хейли – HTE (Hailey Taylor Emery) – персонаж трактует как Hottie – сексуально привлекательная женщина, красотка.

5

* 48 дюймов = 121,91 см.

6

50 дюймов = 127 см.

7

Американский спортивный канал на кабельном телевидении.

8

10 футов = 3,04 м.

9

Персонаж вселенной DC Comics. Чаще всего выступает противником Бэтмена.

10

В оригинале герой называет дочь Junebug, т. е. июньский жук.

11

Отсылка к сети магазинов «Клуб Либби Лу». Сеть существовала с 2000 по 2009 год и предлагала девочкам 4–12 лет широкий спектр девчачьих товаров, косметических услуг, а также возможность самим создавать свои духи, лосьоны, блеск для губ и прочее.

12

Генетически предрасположенная непереносимость глютена.

13

Речь идет о профессиональном хоккейном клубе «Питтсбург Пингвинз» (Питтсбург, штат Пенсильвания, США).

Купить: <https://telnovel.com/el-kennedi/ostan-sya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)